

УДК 811.511:142; 81'37

А.Р. Талигина, В.Н. Соловар

Семантика и функционирование частиц в хантыйском языке (на материале шурышкарского и казымского диалектов)

Аннотация. В данной статье рассмотрены частицы хантыйского языка, способные выполнять целый ряд коммуникативных и прагматических функций. Значение частиц во многом зависит от контекста и интонации хантыйской речи, поскольку разнообразная эмоционально-экспрессивная окраска частиц соотносится в устной речи с большим разнообразием интонационных рисунков высказывания.

Ключевые слова: частицы, семантика, неизменяемость, коммуникативные и прагматические функции, вариативные, синтаксические признаки.

A.P. Taligina, V.N. Solovar

Semantics and functioning of particles in the Khanty language (using the material of the Shuryshkar and the Kazym dialects)

Summary. The article deals with the particles of the Khanty language, capable to perform a variety of communicative and pragmatic functions. The meaning of particles mainly depends on the context and tone of the Khanty speech, as the diverse emotionally expressive coloration of particles correlates with a wide variety of intonational patterns of expression in the oral speech.

Keywords: particles, semantics, invariability, communicative and pragmatic functions, variative, syntactic features.

Употребление частиц тесно связано с прагматической стороной общения и отражает специфические принципы функционирования национального языка. Особенности функционирования частиц характеризуют не только каждую национальную культуру, но и речевые культуры, выделяемые внутри национального языка. Частицы придают различные смысловые оттенки отдельным словам или группам слов, они выражают отношение говорящего к описываемой ситуации, адресату и его высказыванию, а также к своему высказыванию. Отсутствие же частиц в речи человека, даже хорошо владеющего языком, может восприниматься как грубость, жесткость, невежливость.

Способность передавать скрытую семантику является важной особенностью частиц. Более того, значение частицы полностью зависит от контекста и может быть проанализировано лишь в составе определенного высказывания.

В данной работе будут рассмотрены частицы хантыйского языка, способные выполнять целый ряд коммуникативных и прагматиче-

ских функций: частица *на*; соотносительные частицы *хулна* (каз.), *хонна* (шур.), *ици*; отрицательные частицы *янт*, *ај*; усиленные частицы.

1. История изучения частиц в отечественном языкознании

В отечественном языкознании изучение частиц введено М.В. Ломоносовым, изучавшим такие слова, как *ли*, *не* [1, 566].

Первое определение частицам как служебной части речи дал А.А. Шахматов: «Это часть речи, которая включает в себя слова, усиливающие или оттеняющие в том или ином отношении грамматические формы или предикат. Таким образом, они имеют формальное служебное значение» [2, 506].

Важный вклад в классификацию частиц в русском языке внес В.В. Виноградов, который дал наиболее полное определение этому разряду слов: «частицами называют классы слов, которые обычно не имеют вполне самостоятельного значения, а вносят главным образом дополнительные оттенки в значения других

слов и в значения предложений. Основная функция частиц – сообщать словам и предложениям новые оттенки, сосредотачивать внимание на определенном значении, выражать эмоциональные и экспрессивные оттенки. Лексическое значение этих слов совпадает с их грамматическими, логическими или экспрессивно-стилистическими функциями. Семантический объем этих частиц очень широк, а лексико-грамматические значения очень подвижны» [3, 544]. Частицы были не только ограничены от наречий, союзов и других слов, связанных с ними генетически, но и подверглись детальной классификации.

Е.А. Стародумова подчеркивает, что частицы имеют акцентирующую функцию – способность выделять определенный компонент с целью сосредоточения внимания на той реалии, на которую она указывает [4; 5].

Современное языкознание углубляет и расширяет учение В.В. Виноградова о частицах. Появилось большое количество разноаспектных работ, освещающих проблемы частиц и частицеподобных единиц в зависимости от целеустановки исследования. Сделаны многочисленные описания отдельных частиц или групп частиц [5; 6; 7; 8; 9; 10; 11 и др.] с учетом синтаксических возможностей частиц. С развитием новых направлений (коммуникативная лингвистика, психолингвистика, лингвистика и стилистика текста, лингвопоэтика, семантика и прагматика и др.) изучение частиц приобрело новые формы.

Обобщение результатов исследований и систематизация основных составляющих описания частиц [например: критерии выделения частиц в особую лексико-грамматическую категорию (морфологические, синтаксические, синтактико-семантические, функционально-семантические), параметризация частиц (морфемный статус, ориентированность на акцентно-просодические свойства, семантические сферы действия, позиция в синтаксической структуре предложения, связь с коммуникативной перспективой, семантико-функциональная характеристика и др.)] представлены в работе И.М. Кобозевой [12, 147–175].

В зависимости от направления исследования, в рамках которого рассматривается этот класс служебных слов, осуществляется выбор определенных параметров. Естественно, что выбор, дифференциация и систематизация аспектов носят условный характер, поскольку «аспекты можно перечислить, но их трудно раз-

делять и противопоставить друг другу» [5, 21]. Так, например, семантика частиц «конкретизируется только в контексте» [5, 19], «проявляется в их функциях» [5, 15], «может быть воспринята через свои реализации» [13, 25] и должна «изучаться только через их употребление» [14, 7]. Таким образом, семантика и функциональные свойства частиц находятся во взаимной связи и неотделимы друг от друга, что демонстрируют многие исследования.

Функциональный аспект связан не только с семантикой, но и с прагматикой, поскольку функционирование многих частиц связано в первую очередь с выполнением ими определенных коммуникативных установок в составе высказывания, передачей дополнительной прагматико-стилистической информации. По мнению многих исследователей, содержательную сущность частиц составляет именно прагматика, то есть выражение отношения говорящего к речевому акту и его участникам [15; 16; 17; 12 и др.].

Действуя на разных уровнях языковой реализации: в высказывании, тексте, синтаксической конструкции – частицы, обнаруживая свое индивидуальное значение и свои функциональные возможности, способны выполнять различные функции, связанные с: а) актуализацией высказывания: «являются маркерами компонентов коммуникативной структуры высказывания» [6, 30] – коммуникативно-синтаксический аспект; б) выражением коммуникативных намерений говорящего: «превращают тем самым высказывание в определенный тип речевого акта» [18, 12] – коммуникативно-прагматический аспект; в) демонстрацией различных смысловых отношений, возникающих между компонентами текста – грамматика текста; г) реализацией стилистического задания – стилистический аспект и др.

1.1. История изучения частиц в тюркских языках

Частицы в тюркологии относятся к малоизученным частям речи. По отдельным языкам есть диссертационные работы, монографии, статьи, но в большинстве тюркских языков данная категория в основном представлена лишь разделами в грамматиках.

Н.Е. Петров в работе «Частицы в якутском языке» отмечает три типа определений частиц, использующихся в грамматиках тюркских языков.

Авторы «Современного татарского литературного языка» [19] определяют частицы

как служебные слова, придающие отдельным словам или предложениям в целом различные смысловые, модальные, модально-волевые или эмоционально-экспрессивные оттенки. Это наиболее типичный вариант определения частиц, унаследованный от русского грамматического учения. Имеется и более простой вариант: «Частицы употребляются для выражения дополнительных оттенков значений слов и предложений».

Следующий тип определения используется теми, кто рассматривает частицы совместно с модальными словами. Частицы и модальные слова – это слова, не имеющие реального значения предмета или признака, но выражающие грамматические категории модальных оттенков отдельных слов и словосочетаний. Авторы подобных определений чаще всего не разграничивают понятия частицы и модальные слова, пользуются ими как двойным названием одной и той же категории, включающей служебные слова только с модальным значением. При таком подходе во многих языках вне категории частиц могут оставаться логико-смысловые, формо- и словообразующие частицы. Данное определение годится только для тех языков, в которых нет немодальных и словообразующих частиц или они квалифицируются как-то по-иному [8].

Существует и третий подход к определению частиц, согласно которому частицы в тюркских языках рассматриваются как форманты, промежуточные между аффиксами и служебными словами. Н.К. Дмитриев утверждал, что частицы не могут быть причислены к отдельному слову, поскольку не имеют материальной семантики и единого звукового состава [20, 283].

При таком понимании частиц их не признают частью речи, поскольку части речи – это лексико-грамматические группы (разряды) слов, а не аффиксов или их подобий, и к частицам нужно относить только форманты, которые изменяют свой звуковой облик под влиянием предшествующего слова [21, 17–19].

Проблемным остается также вопрос о составе частиц, вызывающий большие разногласия среди тюркологов. Во многих грамматиках в отдельный класс выделяются модальные слова. В работах, в которых исследователи объединяют модальные слова с частицами, всегда делается особая оговорка об этом. А.Н. Кононов отмечает, что частицы и модальные частицы

«следовало бы объединить под единым термином «частицы», выделяя при этом «собственно частицы» и «имена-частицы» [22, 345].

Отсутствие единства в классификации частиц по их функциям и значениям в тюркских языках имеет свои объективные и субъективные причины, которые Н.Е. Петров обобщает следующим образом.

Во-первых, данная категория серьезно не изучалась, нет глубокой теоретической базы, недостаточен привлекаемый к исследованию материал.

Во-вторых, при классификации частиц могут применяться разные основания. Например, могут быть классификации частиц по их значениям, функциям, употреблению, составу, происхождению.

В-третьих, тюркологи в своей работе опираются на богатый опыт русистики, совмещая это с оригинальным решением вопроса в соответствии со спецификой тюркских языков.

В-четвертых, сама категория частиц многогранна и сложна в любом языке.

Одной из неразрешенных проблем остается выработка четких принципов выделения и отграничения частиц от других категорий служебных слов [21, 22–23].

Н.Е. Петров [16] на материале якутского языка классифицирует частицы по значению на логико-смысловые (немодальные) и модальные. К логико-смысловым частицам относятся со словообразующим, немодальным формообразующим, собирательным, собирательно-совокупным значением и частицы со значением принадлежности. Все остальные частицы составляют многочисленную группу модальных. Автор учитывает также происхождение частиц, выделяя собственно частицы, отыменные и отглагольные частицы.

Своеобразную классификацию частиц в тюркских языках предлагает А.М. Щербак в работе «Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков». Исходя из того, что основная функция частиц – придавать речи экспрессивную или модальную окрашенность, автор сначала разграничивает частицы на экспрессивно-выделительные и модальные. Экспрессивно-выделительные частицы образуют две подгруппы, различающиеся синтаксическими функциями: собственно экспрессивно-выделительные частицы и экспрессивно-выделительные частицы-союзы. Среди собственно экспрессивно-выделительных на основе

семантических особенностей выделяются следующие группы частиц: частицы с семантикой подчеркивания, подтверждения, утверждения; частицы с семантикой обособления-противопоставления; частицы с семантикой усиления; частицы с семантикой ограничения, указания на исключительность; с семантикой уточнения; частицы с семантикой анафорических и дейктических членов.

Группа модальных частиц состоит из собственно модальных частиц и модальных частиц-союзов. К собственно модальным частицам автор относит побудительно-запретительные (императивные), вокативные, вопросительные, отрицательные и частицы, выражающие предположительность-неуверенность-неочевидность [23, 98–110].

В.М. Наделяев, анализируя служебные слова в монгольском языке, употребляет термин формальные слова (частицы речи). «Формальные слова выделяются по формальному беспонятийному лексическому значению, неразрывно связанному с их служебной ролью. Они участвуют в образовании аналитических форм и аналитических основ вещественных слов, оформляют структурные единицы внутри предложения и связывают их между собой» [24, 107]. Их служебная роль позволяет автору выделить четыре основные разновидности формальных слов, противопоставленных по их категориально-грамматическому значению, проявляющемуся в их функционировании: формообразовательные частицы, основообразовательные частицы, союзные частицы и членооформительные частицы. Причем каждая группа делится на более мелкие группы по семантическим признакам.

Формообразовательные частицы автор выделяет по признаку участия в аналитических формах вещественных слов. К ним относятся: 1) послелого, выражающие зависимую связь и конкретное содержание в этой связи существительных и субстантивных местословий с другими вещественными словами в синтаксических словосочетаниях; 2) показатели личной принадлежности, выражающие личную ответственность в смысловом содержании существительных, местословий и других вещественных слов; 3) модальные морфологические частицы, выражающие многообразные объективные и субъективные оценки в смысловом содержании вещественных слов; 4) видовые морфологические частицы глаголов, выражающие

видовую характеристику в реализации динамического признака, и т.п.

Членооформительные частицы выражают синтаксические функции вещественных слов, а также дополнительные грамматические характеристики вещественных слов в связи с их синтаксической функцией. Они подразделяются на показатели подлежащего, связки, синтаксические модальные частицы (вопросительные, усилительно-выделительные, ограничительные, утвердительные, предположения, возможности, долженствования и т.п.).

Основообразовательные частицы участвуют в образовании аналитических основ вещественных слов.

Союзные частицы выражают «синтаксические отношения между структурными единицами внутри предложения с последующим семантическим делением союзов на сочинительные, подчинительные, соподчинительные и присоединительные, учитывая смысловое содержание выражаемых ими синтаксических отношений» [24, 107].

Еще один подход, используемый при классификации частиц, это деление частиц на первичные (первообразные) и вторичные (непервообразные) частицы. Данное деление главным образом строится на разграничении частиц по происхождению. К первичным можно отнести те элементы, которые ранее обозначались как частицы-аффиксы, этимологию которых на синхронном уровне трудно проследить. Данные частицы характеризуются широким кругом функций: выполняют формообразовательные, словообразовательные, союзные функции. Вторичные (непервообразные) частицы характеризуются более или менее прозрачной структурой, происхождение которых на синхронном уровне еще можно выявить.

1.2. История изучения частиц в тунгусо-маньчжурских языках

Научная разработка и классификация частиц в трудах исследователей тунгусо-маньчжурского языка дает возможность считать этот класс служебных слов наименее разработанным в морфологии и синтаксисе. Как пишет в своем исследовании «Служебные слова в эвенском языке» В.Г. Белолобская, «установлено лишь некоторое количество разрядов частиц, таких как 1) вопросительные или вопросительно-неопределенные; 2) соединительные; 3) усилительные или усилительно-

утвердительные, выделительно-усилительные; 4) ограничительные; 5) разграничительные; 6) условные; 7) неопределенные; 8) ограничительные; 9) уточнительные; 10) указательные; 11) восклицательные; 12) отрицательные; 13) сравнительные; 14) утвердительные; 15) выделительные; 16) сравнительные или сравнительно-уподобительные; 17) определительно-выделительные; 18) восклицательные» [25].

В.И. Левин в «Кратком эвенско-русском словаре» [26] перечисляет 7 разрядов частиц в эвенском языке без определения и описания грамматических функций, лишь перечисляя их и приводя фразовые примеры. В.И. Цинциус в «Очерке грамматики эвенского (ламутского) языка» [6, 237] предваряет раздел «Частицы» следующим разъяснением: «Различить частицы от суффиксов можно лишь исходя из их значения», – и далее ограничивается перечислением разрядов частиц. Она, в отличие от В.И. Левина, приводит большее количество усилительных частиц, а также указывает на фонетическую вариативность соединительных частиц в зависимости от конечного звука предшествующего слова [6, 237]. В.И. Цинциус и Л.Д. Ришес в «Русско-эвенском словаре» пишут о том, что «частицы играют служебную роль, придавая различные смысловые оттенки предложениям и словам» [27, 766]. Эти авторы включают в разряд частиц указательные, уточнительные, восклицательные, отрицательные. В данной работе авторы отождествляют некоторые суффиксы с частицами, в ряде случаев давая свою интерпретацию морфологической структуры анализируемых словоформ.

В разделе «Служебные части речи» учебника «Эвенский язык» К.А. Новиковой, Н.И. Гладковой и В.А. Роббека частицам дается следующее определение: «Частицы – слова, которые служат для выражения различных смысловых и эмоциональных оттенков предложений, словосочетаний и отдельных слов, а также для образования некоторых слов и их форм. По значению частицы делятся на смысловые, модальные, эмоционально-экспрессивные, формообразующие и словообразующие» [28, 194]. Ни с семантической, ни с морфологической точки зрения данное определение нельзя признать строгим, так как собственно частицы не могут быть «смысловыми» (они не приравниваются к полноточным словам), и они не могут быть словообразующими или формообразующими, так как размещаются, в отличие

от словообразовательных и формообразующих суффиксов, вне пределов словоформы.

Авторы работ по эвенской грамматике при определении частиц как главный критерий выделяют в основном смысловой оттенок [6; 27; 29; 30; 28]. В частности в работе [28, 194] частицам дается следующее определение: «Частицы – слова, которые служат для выражения различных смысловых и эмоциональных оттенков предложений, словосочетаний и отдельных слов». Поэтому разряды частиц во всех исследованиях выделяются лишь по признаку значения, исключение составляет подход к классификации по признакам функции [31, 146]. Согласно этому подходу частицы делятся на две группы: 1) частицы, выражающие общие смысловые оттенки слов; 2) частицы, выражающие модально-экспрессивные оттенки значений.

Одной из значительных работ в области исследования служебных частей речи в тунгусо-маньчжурских языках является работа В.А. Аврорина «Грамматика нанайского языка» [32].

В своем труде автор делит служебные слова на послелого, союзы и слова-частицы. К словам-частицам относит неизменяемые служебные слова, назначением которых является выражение разного рода дополнительных оттенков значения отдельного слова, словосочетания или целого предложения [32, 256]. Как всякие служебные слова, они не обладают знаменательностью и поэтому не могут играть в предложении роли его самостоятельных членов. Отличие же их от остальных служебных слов, как считает В.А. Аврорин, состоит в том, «что послелого и союзы являются средствами выражения отношений между словами в составе предложения или словосочетания, тогда как слова-частицы являются средствами выражения дополнительных оттенков значения отдельных слов, а также словосочетаний или предложений, взятых в целом» [32, 256–257]. Далее автор делит слова-частицы нанайского языка по значению на три разряда: 1) определительные, 2) отрицательные и 3) модальные [32, 257].

Также В.А. Аврорин выделяет частицы-суффиксы, он пишет, «что дополнительные оттенки отдельных слов, словосочетаний и целых предложений могут выражаться не только словами-частицами, представляющими собой относительно самостоятельные лексемы, но

еще и частицами-суффиксами, или, что то же самое, – суффиксальными частицами. Такого рода частицы присоединяются к тем словам (знаменательным и служебным), которым они придают дополнительный оттенок значения или же с которыми они бывают в смысловом отношении наиболее тесно связаны, когда относятся к целому предложению или словосочетанию» [32, 263].

По степени спаянности со словом частицы-суффиксы В.А. Аврорин делит на две группы: 1) частицы, сохраняющие незначительную внешнюю самостоятельность в составе слова, и 2) частицы, утратившие всякую самостоятельность в слове [32, 264].

Итак, в тунгусо-маньчжурских языках исследованы следующие аспекты функционирования частиц: при определении частиц как главный критерий выделяют в основном смысловой оттенок. Частицам дается следующее определение: «Частицы – слова, которые служат для выражения различных смысловых и эмоциональных оттенков предложений, словосочетаний и отдельных слов». Поэтому разряды частиц во всех исследованиях выделяются лишь по признаку значения, исключение составляет подход к классификации по признакам функции. Согласно этому подходу частицы делятся на две группы: 1) частицы, выражающие общие смысловые оттенки слов; 2) частицы, выражающие модально-экспрессивные оттенки значений.

Установлено также некоторое количество разрядов частиц, таких как 1) вопросительные или вопросительно-неопределенные; 2) соединительные; 3) усилительные или усилительно-утвердительные, выделительно-усилительные; 4) ограничительные; 5) разграничительные; 6) условные; 7) неопределенные; 8) ограничительные; 9) уточнительные; 10) указательные; 11) восклицательные; 12) отрицательные; 13) сравнительные; 14) утвердительные; 15) выделительные; 16) сравнительные или сравнительно-уподобительные; 17) определительно-выделительные; 18) восклицательные.

К словам-частицам относят неизменяемые служебные слова, назначением которых является выражение разного рода дополнительных оттенков значения отдельного слова, словосочетания или целого предложения [32, 256]. Как всякие служебные слова, они не обладают знаменательностью и поэтому не могут играть в предложении роли его самостоятельных членов.

1.3. История изучения частиц в финно-угроведении

В финно-угорском языкознании, как и в индоевропейском, частицы были выделены в особую группу слов значительно позднее, чем послелоги и союзы. Дело в том, что термином «частица» обозначали вначале все служебные части речи и это воспринималось как широкое понимание термина. В узком понимании их относили к послелогам, наречиям, союзам и междометиям, что не соответствует реальной действительности, так как каждая из указанных групп слов выполняет свои функции, не совпадающие с функциями частиц: наречие называет признак действия или качества, союзы связывают члены предложения или предложения; междометия выражают различные эмоции или волеизъявления; частицы же – неизменяемые служебные слова, вносящие различные оттенки в значения других слов, групп слов или предложений, к которым они относятся [33, 276].

Вопрос о частицах в финно-угорских языках на территории Российской Федерации рассматривался до сих пор под влиянием академических трудов русского языка. Этот вопрос касается определения самой частицы, ее функций и значений и, следовательно, количественного состава частиц в том или ином языке. В разряд частиц вошли как энклитики, так и частицы-слова. В прибалтийско-финских языках к разряду частиц относятся только частицы-прилепы или партиклы, слова-частицы рассматриваются как наречия.

«Мордовская грамматика на наречии мордвы-мокши» П. Орнатова, вышедшая в 1838 году, в основу классификации частей речи положила лексическое значение слов. В главу, посвященную частицам, автор включил частицы, которые образуют аналитическую конструкцию превосходной степени, словообразовательные суффиксы местоимений, отрицательные и усилительные частицы в отрицательных предложениях [34, 98–101].

Мокшанская грамматика А. Алквиста, которая вышла в 1861 году, делит все слова мокшанского на десять грамматических разрядов. Отдельно автор рассматривает разряд частиц, в состав которого вошли сами частицы, послелоги, наречия, союзы, междометия, при этом ограничиваясь перечислением слов, относящихся к этим категориям [35, 88–93].

Изучение частиц в мордовских языках в широком понимании термина было продолжено М.Е. Евсевьевым в его «Основах грамматики» [36], в которых он предпринимает попытку разграничения частей речи по семантическим и морфологическим принципам. Автор выделил разряд служебных частиц, в который вошли союзы, наречия, послелого и междометия. Для частиц, но уже в узком понимании термина, он отвел специальный параграф, в котором рассматривается одна постпозитивная частица с ее фонетическими вариантами, встречающимися в диалектах. М.Е. Евсевьев приводит некоторые случаи употребления их в языке. Здесь же описываются случаи использования частиц, заимствованных из русского языка.

В «Грамматике венгерского языка» К.Е. Майтинская к рассмотрению частиц подходит с других позиций. Она выделяет в разряде служебных слов частицы-слова, которые служат в речи для придания различных смысловых оттенков отдельному слову или целому предложению. Проводит границу между наречиями и частицами и отмечает ряд особенностей, которые отличают их друг от друга. Это прежде всего то, что наречия называют какое-либо обстоятельство действия, признак действия или качество, частицы выражают отношение говорящего, автора или действующего лица ко всему высказыванию или только к обозначаемому. Частицы, по мнению К.Е. Майтинской, большей частью используются для выражения модальных оттенков отношений. Автором отмечается основной грамматический принцип частиц – их невозможность выступать в качестве самостоятельных членов предложения. К.Е. Майтинская также определяет тесное взаимодействие частиц с другими частями речи; по своему происхождению частицы тесно связаны с наречиями, союзами, местоимениями и глаголами, и, кроме того, некоторые частицы совпадают по форме со знаменательными частями речи [37, 288].

В грамматике марийского языка рассматриваются разряды частиц отдельно от наречий, союзов, междометий, то есть в этой грамматике для классификации частиц используется узкое понимание термина частица. Частицы определяются как служебные слова, выражающие различные смысловые оттенки отдельных слов, групп слов или целых предложений. Все частицы делятся соответственно по занимаемому месту в предложении, по отношению к

одному слову или к группе слов. Дается классификация их по значениям, по возможности употребления в языке, по функциям словообразования [38, 300–307].

В грамматике удмуртского языка также рассматриваются частицы. В посвященном им разделе проводится грань между частицами и суффиксами. Отмечаются случаи, когда частицы могут выступать в двух функциях: как частицы, придающие дополнительный оттенок, и как частицы, имеющие значение словообразовательного или формообразовательного аффикса. Деление частиц происходит по занимаемому месту и по функциям. Функциональные особенности частиц ограничены рамками четырех основных функций:

- 1) частицы, придающие дополнительные смысловые оттенки;
- 2) частицы, выражающие модальные и модально-волевые оттенки;
- 3) частицы, выражающие эмоциональные и экспрессивные оттенки;
- 4) частицы, выполняющие словообразовательную и формообразующую функцию [39, 335–353].

Особое место в разработке проблемы частиц в финно-угорских языках занимает работа А.И. Подоровой [40], в которой делается попытка определить состав частиц коми языка, раскрыть их особенности, создать классификацию, установить, в какие связи со словами других грамматических категорий вступают частицы. В своей работе А.И. Подорова определяет морфологические, синтаксические и семантические признаки частиц, их основные свойства, приводит полный перечень частиц с их значениями и возможностями употребления. Автор обращает внимание на сходства и различия между частицами, с одной стороны, и наречиями, союзами, послелогом и глаголами – с другой. Исследователь очень подробно останавливается на каждой частице и выявляет оттенки ее употребления в зависимости от структуры предложения и особенностей коми языка.

В трудах по финно-угорским самодийским языкам проблеме частиц уделяется очень мало внимания. Обычный краткий обзор не дает полного представления о частицах и их функциях в том или ином языке. Так, например, в работе «Языки народов СССР III» в разделе «Мордовские языки» авторы ограничились перечислением основных разрядов частиц:

указательные, определительные, ограничительные, усилительные. При этом отсутствуют модальные, эмоциональные, слово- и формообразующие частицы [41, 193–194].

Почти то же самое можно сказать о разделе служебных слов в издании «Основы финно-угорского языкознания» [13]. В разделе «Мордовские языки» частицам отведено незначительное место по сравнению с другими служебными частями речи. Обзоры по этому разделу настолько краткие, что не способны полностью раскрыть место частиц в системе служебных частей речи, их значения, разряды, функции, происхождение.

Вопрос о разрядах частиц в карельском языке привлек внимание В.Д. Рягоева. Существуют две различные точки зрения на частицы в карельском языке: 1) частицами признаются служебные слова, функция которых заключается в придании отдельным словам, группе слов или предложению различных смысловых оттенков; 2) все служебные слова, включая и наречия, объединяются в одну категорию «неизменяемых слов». Д.В. Рягоев не согласен с последней точкой зрения, по его мнению, отдельные разряды «неизменяемых слов», в том числе и частицы, имеют свои специфические особенности, которые не могут быть учтены вне дифференцированного подхода. Так, например, словообразовательная функция некоторых частиц карельского языка проявляется в их участии в образовании отрицательных и неопределенных местоимений и наречий. Автор приходит к выводу, что развитие категории частиц в карельском языке проходило двумя путями: 1) на базе собственного языка, 2) путем заимствования из русского языка, – что и было освещено им на материале частиц словообразования и формообразования в карельском языке [42, 59–63].

«Грамматика вепсского языка», вышедшая в 1981 году, мало отличается в освещении вопроса о частицах от грамматик, вышедших в 60-е годы. В ней частицы выделяются по принципу «их семантико-синтаксических функций, ибо, не обладая номинативным значением, они служат для выражения отношений между явлениями действительности, названными знаменательными словами» [43, 296]. При том, что в определении частиц автор указывает на их промежуточное положение между служебными словами и морфемами, в основном в работе рассматриваются частицы, которые при-

соединяются к словам, то есть энклитики, и не затрагиваются частицы-слова, кроме русских заимствований ведь, хоть. Автор ограничился перечислением этих частиц и их способностью присоединиться к словам отдельных категорий [43, 296–299].

К.Е. Майтинская в своей работе «Служебные слова в финно-угорских языках» рассматривает три категории служебных слов: предлоги/послелоги, союзы, частицы. В работе используются материалы финно-угорских языков, на основе сопоставления которых сделаны теоретические выводы, выявлены определенные закономерности функционирования служебных слов, выявлены и описаны связи служебных частей речи со знаменательными словами, определены особенности служебных слов. Частицы финно-угорских языков подразделены по происхождению, функциям и значениям. Выявлены пути обособления частиц от слов-источников, разряды частиц по структурным особенностям. Автор уделяет внимание и хронологии формирования частиц в финно-угорских языках [44, 119–159].

О. Ерина подразделяет частицы в мордовских языках на экспрессивно-выделительные и модальные [45, 15]. В ее труде рассматриваются только частицы, вносящие эмоционально-экспрессивные оттенки, которые не являются морфемами, а выполняют обязанности синтаксических формантов.

Общее представление о частицах того или иного языка, об их разрядах и функциях можно найти в грамматических трудах. Рассматривая частицы мансийского языка, Е.И. Ромбандеева не отходит от принципов, которые уже сложились при рассмотрении этого разряда служебных слов. Частицы мансийского языка она подразделяет по семантическим признакам. Отдельно Е.И. Ромбандеева исследует разряд модальных слов и останавливается на частицах, которые по своему происхождению восходят к наречиям, числительным и указательным местоимениям [46, 196–198].

А.И. Сайнахова изучает служебные слова мансийского языка и затрагивает вопрос о частицах, их функциях и значениях. Отдельную главу она посвящает частицам и союзам, при этом частицы и союзы, по сравнению с послелогами, рассматриваются обзорно. Частицы в мансийском языке данный автор группирует по происхождению и по значению. Далее частицы рассматриваются ею по происхожде-

нию: связанные с местоимениями, с личными местоимениями; с вопросительными местоимениями и местоименными наречиями; с разными неместоименными частями речи [47, 74–84]. По функции А.И. Сайнахова подразделяет частицы на 1) указательные, 2) временные, 3) усилительные, 4) усилительно-экспрессивные, 5) определительные, 6) вопросительно-утвердительные, 7) отрицательные [47, 86]. А.И. Сайнахова касается также вопроса этимологической общности указательных частиц и указательных местоимений [47, 74–76].

Служебные слова в хантыйском языке до сих пор не были предметом специального исследования. Несмотря на то, что во всех научных трудах приводится некоторое количество частиц, однако и до настоящего времени частицы хантыйского языка полностью не выявлены и не получили необходимого освещения.

В хантыйском языке отрицательные частицы упоминаются в работах В. Штейница, основывающихся на материале шурышкарского диалекта, он писал, что отрицание глагольных форм осуществляется с помощью отрицательных частиц, ставящихся перед глагольной формой. Автор отмечает, что при формах повелительного наклонения употребляется отрицательная частица *ał*, при всех остальных глагольных формах частица *änt* [48, 51–52].

П.К. Животиков в своей работе «Очерки грамматики хантыйского языка» [49] частицами называет служебные слова, придающие предложению или отдельным словам различные смысловые оттенки. Автор рассматривает частицы на материале среднеобского диалекта и делит их по своему значению и роли в языке на группы:

1) выделительные: *туп* ‘только’: *тув потрыт туп сохныс, сорма йис* ‘Только его речь кончилась (прекратилась), умер’;

2) утвердительные: *a* ‘да’, *a-a* ‘да-да’: *a-a, ma sora мирхота мантым* ‘Да-да, я скоро на собрание пойду’;

3) восклицательные: *хоты* ‘как’: *хоты яма товин!* ‘Как хорошо весною!’;

4) отрицательные: *ат, ан, ант* ‘не’, *антом* ‘нет’: *тув манэм тамы отынгны ат потрыт* ‘Он мне об этом не говорит’. *Антом, тув тыв ан ёхтыс* ‘Нет, он сюда не пришел’ [49, 89–90].

В работе «Языки народов СССР» «Хантыйский язык» Н.И. Терешкин упоминает лишь отрицательные частицы: «Отрицательные частицы употребляются только при спрягаемых

формах глагола, при повелительной форме глаголов употребляется частица *ат*, например: *ат манна* ‘не ходи’, *ат вере* ‘не делай’. При глаголах изъявительного наклонения употребляется частица *ант*, например: *ант мантым* ‘не пойду’; *ант версэм* ‘я не сделал этого’ [50, 336].

В статье В.Н. Соловар, М.И. Черемисиной «Выражение отрицания в хантыйском языке» [51] рассматриваются отрицательные частицы *ал* и *änt*. Авторами отмечено, что они занимают позицию перед простым глагольным сказуемым или перед простой инфинитной формой.

В другой статье М.И. Черемисиной и В.Н. Соловар «К вопросу о составе и функциях частиц в хантыйском языке» даются понятия о частицах и об их типологии; классификация частиц (1. частицы, выполняющие морфологические грамматические функции, 2. частицы, функционирующие в предложении и вносящие различного рода оттенки во все предложение в целом или какую-то его часть); состав и синтаксические функции хантыйских частиц [52, 83–95].

В.Н. Соловар рассматривает также частицы в связи с изучением способов выражения эмоциональности [52, 64–65].

А.Д. Каксин в своей монографии «Казымский диалект хантыйского языка», в отличие от классификации П.К. Животикова, добавляет еще указательные, вопросительные, усилительные, ограничительные, уточнительные, соотносительные и модальные (в т.ч. вводно-модальные) частицы. К указательным он относит частицы *tām* ‘вот’ и *tum* ‘вон’, указывающие на предметы, на те или иные явления, к этому же разряду автор относит частицы, указывающие на неполноту степени качества или интенсивности действия. К вопросительным относит частицу *tuŋ?* ‘разве, (что) ли, неужели?’, отмечая при этом, что частица *tuŋ* стоит обычно в постпозиции к предмету вопроса, что отличает ее от соответствующего вопросительного местоимения. К усилительным А.Д. Каксин относит частицы *tāl* ‘ведь’, *pa* ‘даже’, *χutī* ‘же’, *iši* ‘тоже’, они служат для усиления, выделения, подчеркивания содержания отдельного слова или всего предложения. К утвердительным автор относит частицы *a-a* ‘да’, *amij* ‘да, точно так’, с их помощью дается утвердительный ответ на заданный прямой или косвенный вопрос. К отрицательным автор относит частицы *ān* ‘не’, *änt* ‘не’, *äntō* ‘нет, не’, *äntōm* ‘нет’, *änta* ‘не, нет, еще не’, *al* ‘не’, *χōn* ‘да не, не... же’.

К ограничительным относит частицу *tõr* 'только', указывающую на ограниченность в наличии чего-либо, ограниченность в количестве. К уточнительным относит частицу *imurt* 'точь-в-точь, как раз', *jina* 'именно', они служат для уточнения количества или других характеристик предмета. К соотносительным он относит частицы *χilna* 'еще' и *wiř* 'уже', указывающие на отношение высказывания к ранее сообщаемому [53, 91–92]. На сегодняшний день это самая подробная классификация частиц в хантыйском языке.

Заканчивая обзор истории изучения частиц в финно-угорских языках, отметим наиболее важные его этапы. К ним можно отнести выделение авторами первых грамматик частиц наряду с другими служебными частями речи и проведение параллелей в значениях частиц разных финно-угорских языков, отделение частиц в особую служебную часть речи, выявление функций и значений частиц, в отличие от функций и значений других служебных и знаменательных частей речи. Все эти моменты в первую очередь отразились в грамматиках по финно-угорским языкам. Получив статус полноправной служебной части речи, частицы рассматриваются в исследованиях по отдельным языкам. Особое внимание уделено разрядам частиц в каждом языке, их значениям и функциям. Работа К.Е. Майтинской начала 80-х годов по служебным словам в финно-угорских языках внесла большой вклад в освещение основных спорных моментов при определении статуса частиц, их значений и функций, внесла ясность в основные теоретические моменты и в понимание самой проблемы. Таким образом, частицы финно-угорских языков стали «полнозначными членами» наряду с другими служебными словами.

1.4. Понятие о частице

В различных исследованиях [3; 54; 55; 5; 12; 56 и др.] термин частица определяется неоднозначно. Так, академик В.В. Виноградов употребляет его в двух значениях – общем и частном. Частицы в широком смысле этого слова – то же, что и «частицы речи». Это общее понятие «частиц» обнимает все классы так называемых «служебных», «формальных» или «частичных» слов [3, 544]. Некоторые исследователи определяют эти слова как «неполнозначные» [56, 6] или «незнаменательные» [57, 313].

Мы придерживаемся определения частицы, данного Т.М. Николаевой: «Частицы – это разряд неизменяемых служебных слов, участвующих в выражении форм отдельных морфологических категорий, передающих коммуникативный статус высказывания, а также выражающих отношение высказывания и/или его автора к окружающему контексту, выраженный или подразумеваемому» [58, 579].

Близкое этому определению является определение Е.А. Стародумовой: «Частицы служат главным образом для выражения значений коммуникативного плана, а именно для обозначения различных отношений говорящего (субъекта оценки) к содержанию высказывания или к какой-то его части, а также к другому субъекту-адресату, собеседнику» [5, 3].

2. Семантика и функционирование частиц в хантыйском языке

2.1. Семантика и функционирование частицы *па* в хантыйском языке

В учебнике для педагогических училищ под редакцией Е.А. Нёмысовой даются следующие разряды частиц:

- 1) усилительные: *iři* 'и', *iři pa* 'всё же', *pa*, *pa ři* 'и', *řar* 'же';
- 2) указательные: *tam* 'вот';
- 3) ограничительные: *tõr* 'только', *tõr-tõr* 'едва-едва';
- 4) вопросительные: *muj*, *χõn* 'разве';
- 5) восклицательные: *mujřar* 'какой', *ři χutĩ* 'вот как';
- 6) побудительные: *at* 'пусть';
- 7) отрицательные: *ał*, *ant*, *an* 'не', *antõ* 'нет' [59, 140–141].

В этой классификации частиц указано одно значение частицы *па*.

В учебнике хантыйского языка В.Н. Соловар для 7–8 классов приведена несколько иная классификация частиц:

- 1) отрицательные: *ał*, *ãn*, *ãnt*, *hõn*;
- 2) усилительные: *чи*, *неи*, *хуты*, *йа*, *па*;
- 3) указательные: *тãм*, *чи*, *хуты*, *ищи*, *ищиты*;
- 4) ограничительные: *tõn*, *kũш*;
- 5) вопросительные: *муй*;
- 6) восклицательные: *муйсãр*, *чи хуты*;
- 7) побудительные: *ат*, *сãр*.

Частица *па* упоминается в хантыйско-русском словаре В.Н. Соловар [60], в котором указаны значения *и*, *а*, *же*, *тоже*, *да*, *ещё*. Это полифункциональное слово выполняет также функции наречия *опять*, *снова*.

В диалектологическом словаре хантыйского языка частица na указана в значении и, тоже, а [61, 97].

Перейдем к анализу семантики данной частицы. Частица na в значении ещё употребляется для обозначения повтора действия одной и той же ситуации, например: *I puš pa joxtılıjs, jastəs, ješawul mǎnəl* 'Ещё один раз приходил, сказал, что скоро поедет'; *Muŋew šək jām pitəl xun muŋ xǒšajəw hawrəmət pa joxtəttət* 'Нам будет очень приятно, если к нам ребята ещё придут'; *Jipuš pa jastələm: tam «oo» kǎt bukwa ǎnt wul, tǎm ji bukwa* 'Еще раз скажу: это «oo» считать за одну букву'; каз. *Ma pa jǒxətləm* 'Я ещё приду'; *Toxəl ǒtət kimət pa lǒŋlət* 'Некоторые второй раз ещё заходят'.

Частица na описывает ту или иную ситуацию с учетом динамики ее развития, сопоставляет ее текущее состояние с более поздним, например: шур. *Pa xuləm moxsəŋ pitəs* 'Еще три муксуна попало'; *Šalta pa wot poltǐ pitəs* 'Еще ветер стал дуть'; *Pa šita xoləp pirəs iki opsəs* 'Еще старик там сети расставил'; каз. *Pa pərɟajəl pa jeŋk ǎpəlləw sǎxəl šata* 'И малица, и белая шуба там'.

К функциям частицы na 'еще' относится и функция выражения сравнительной степени качественных прилагательных. Речь идет о случаях, когда второй член сравнения обозначается «сдвоенными» средствами: сравнительная степень прилагательного выступает не сама по себе, а в конъюнкции с частицей ещё. В подобных ситуациях имеется в виду, что оба члена сравнения обладают одним и тем же свойством, однако степень интенсивности этого свойства у второго члена сравнения выше, чем у первого, например: *xǒšək moxsəŋ ǎltǐ pa ǎplənsək sǎrəx xǒšək ǎltǐ* 'Уха из муксуна еще вкуснее, чем из сырка'; *Tupərlan nowi kerpəl ǎltǐ pa xoratšakŋən pitǐ kerpəl ǎltǐ* 'Тоборы из белых шкурок еще красивее черных'; каз. *Tǎm pūši na ǎstaišək mǎnɟəm* 'На этот раз еще быстрее пойду'.

В значении тоже частица na служит для экспрессивного подчеркивания передаваемых мыслей и чувств, например: *lanɟi pa uməs woj* 'Белка тоже умное животное'; *Pelɟajət pa uŋla jilət!* 'Комары тоже в рот залетают!'; каз. *Tǎm xəyǎj na ɟi pitəra oməsǎj* 'Этот мужчина тоже туда садится'.

Частица na употребляется при ответе, выражая согласие, утверждение, или при подтверждении собственных мыслей, высказываний,

например: *Tǎm rupata pa jǎm* 'Эта работа тоже хорошая'; *Nǎŋ mǎnəm pa raknəptisən* 'Ты меня тоже напугал'; каз. *Ma pa nətəltǐ ǎn wantsəm* 'Я тоже ничего не видел'.

В этом значении частица na также передает причинно-следственные отношения, вводя их в высказывание как мотив или схожесть предыдущему высказыванию, например: *hūw pa muŋewa mušejəl ǎlšisli* 'Он тоже нам показал музей'; *Jeɟur pa ǎpsəl jupijn kim ǎtəs* 'Егор тоже вышел на улицу за братом'; *Min pa jǎxləmən* 'Мы тоже сходим'.

Частица na в значении и служит для придания большей силы или выразительности отдельному слову или целому высказыванию. Употребляется в значении «даже», «сверх прочего», «именно», например: *Pa xoj tup ǎntəm us* 'И кого только не было'; *loɟən pa xǒšləm xǎtmitǐ* 'И на лыжах умею кататься'; *Pa jǎxət šeŋk šuk us ultija* 'И дальше еще тяжелее жить было'.

В этом же значении данная частица начинает собой предложение или предшествует его предикативно значимому члену, например: *Pa Moskwa wošən utaltijəs* 'И в Москве училась'; *Pa juɟət šeŋk šuk us ultija* 'И дальше ещё тяжелей жить стало'; *Pa jām ula* 'До свидания' (букв. еще хорошо живи); каз. *Pa tǐw pa jǒxtılıəs* 'И сюда он приходил'.

Кроме этого, частица na выражает усиление, выделяя в нем главное, например: *Pa nǎŋ iši nawərtə!* 'И ты прыгай!'; *xuŋw pa nǎŋ jǎŋxsən* 'И долго ты ходил'; *Suɟ pa pǎsanən us!* 'И осетр был на столе!'.

Частица na 'и' выполняет уточняющую функцию: каз. *Йина na, нэмəлм хўв ǎнтəм вəс, муй йəŋхрəŋ-пўсəŋ сый сыйəмлəс* 'И действительно, недолго прошло, что за хрипение-пыхтение послышалось'.

Частица na в значении так употребляется при побуждении к ответу: каз. *Па йǎŋхлən ки, мўн мултыйəн катəллəв* 'Так если поедешь, мы что-нибудь поймает'.

Частица na 'так' может выполнять акцентирующую функцию, связываясь с фактами акцентно-просодической структуры высказывания. Это прежде всего касается частицы na в усилительном и выделительном значениях, в которых реализуется субъективная модальность специальными интонационными средствами для акцентирования удивления, уверенности, сомнения, протеста, недоверия и др. эмоционально-экспрессивных оттенков субъективного отношения к сообщаемому,

например: *Най па йухэммэн?* 'Так ты пришел?', в данном предложении частица передает удивление по поводу того, что субъект сообщения пришел, ожидалось, что он не придет.

Частица *па* в значении *да* употребляется как вопрос при желании получить подтверждение чему-нибудь, в значении: неужели? разве? не так ли? Например: *Па ант моштасэн?* 'Да не заметил?'; *Па нанн жэксэн?* 'Да ты сходил?'; *Па мол хожэс* 'Да что-нибудь попало?'; каз. *Па нанн тэпнэн?* 'Да ты пойдешь?'

В значении *да* частица *па* употребляется также при выражении раздумий, размышлений о чем-либо, например: *Па хуу, танха, турэмэн шити парса* 'Да ему, наверно, так Бог велел'; *Па та ватлэм, нанн па ант верэтлэн* 'Да я вижу, ты тоже не можешь'; *Па лош тул ант пилэл* 'Да снега только нет'.

Описываемая частица может употребляться как обращение к кому-нибудь для усиления побуждения к действию (обычно с формами повелительного наклонения) при выражении призыва или пожелания, например: *Па ванаšэк жыва, ал пала*. 'Да поближе подойди, не бойся'; *Па нанн танакšэк жар!* 'Да ты посильней завяжи!'; *Па сэраšэк жанха!* 'Да побыстрее сходи!'

В значении *а* частица *па* служит для усиления вопроса, усиливает обращение и употребляется как вопросительная реплика, например: *Па šэврэн холта тусэн?* 'А зайца куда подевал?'; *Мунтиšэк па хота усэн?* 'А перед этим где был?'; *Па хота сохэл?* 'А где доска?'; *Па тижарэт тинэл?* 'А сколько стоит?'; *Па шит мул?* 'А это что?'

В этом же значении частица *па* употребляется при неожиданном воспоминании о ком-нибудь, что упущено в предшествующем разговоре; соответствует по значению словам: кстати, вот еще, например: *Асел па хул велмэн ус* 'А отец рыбаком был'; *Ин па хилнэжэл уражэн ул* 'А сейчас ради внучки живет'; каз. *Лүв ай өхэла лэсэ, лайэм вэй шөнийэл па өхэл нэтийа пунса* 'Ее посадили на маленькие нарты, а топорик на дно санок положили'.

Частица *па* в сочетании с отрицательной частицей *ад* и *ант* получает значение выделительно-усилительной частицы даже, например: каз. *Ханнэхө нухи лэты сэмлы ут па ад па мүйэтэл* (фолькл.) 'Пусть снова даже не рождается этот слепой, который ест человеческое мясо'; *Ад па воха* 'Даже не проси'; *Па тыв ад па йухэтэл* 'Сюда пусть даже не приходит'; *Йуун ант па вольэлунэн* 'Дома они даже не бы-

вают'; *Там икэн ханты йасэнэн ци взэтама нутэрэл, йасэнэл уша па ант верлайэм* 'Этот мужчина на хантыйском так плохо говорит, слова даже не понять'.

Частица *па* чаще всего стоит в начале предложения, например: шур. *Па welši oməssəm* 'А только сел'; *Па isipa xoramšakjən šaškelət* 'А все-таки красивые подвязки'; *Па элти ланки сэхэн* 'А сверху беличьей ягушкой'; *Па хота сохэл?* 'А где доска?'

Итак, функции частицы *па* в разных формах речевой деятельности принципиально различаются.

Частица *па* в значении *еще*:

1) употребляется для обозначения повтора действия одной и той же ситуации;

2) описывает ту или иную ситуацию с учетом динамики ее развития, сопоставляет ее текущее состояние с более поздним;

3) к функциям частицы *па* 'еще' относится и функция выражения сравнительной степени качественных прилагательных.

Частица *па* в значении *тоже*:

1) служит для экспрессивного подчеркивания передаваемых мыслей и чувств;

2) употребляется при ответе, выражая согласие, утверждение, или при подтверждении собственных мыслей, высказываний;

3) передает причинно-следственные отношения, вводя их в высказывание как мотив или схожесть предыдущему высказыванию.

Частица *па* в значении *и*:

1) служит для придания большей силы или выразительности отдельному слову или целому высказыванию;

2) употребляется в значении «даже», «сверх прочего», «именно»;

3) начинает собой предложение или предшествует его предикативно значимому члену;

4) выражает усиление, выделяя в нем главное.

Частица *па* в значении *да*:

1) употребляется как вопрос при желании получить подтверждение чему-нибудь в значении: неужели? разве? не так ли?

2) употребляется также при выражении раздумий, размышлений о чем-либо;

3) может употребляться как обращение к кому-нибудь для придания большей выразительности высказыванию (обычно с формами повелительного наклонения), при выражении призыва или пожелания.

Частица *pa* в значении а:

1) служит для усиления вопроса, усиливает обращение и употребляется как вопросительная реплика;

2) употребляется при неожиданном воспоминании о ком-нибудь, что упущено в предшествующем разговоре; соответствует по значению словам: кстати, вот еще;

3) чаще всего стоит в начале предложения.

Таким образом, эквивалентные отношения между частицами и единицами другого языка не могут иметь постоянного характера, а будут каждый раз устанавливаться в зависимости от контекста, то есть не в сфере языка, а в сфере речи. Так как у частиц вместо денотативного значения имеется ярко выраженная прагматическая функция, то прежде всего главной задачей при переводе является правильное определение этой функции с учетом контекста, а затем необходимо подобрать языковые единицы языка перевода, которые способны выполнить функцию, эквивалентную функции частицы.

2.2. Функционирование соотносительных частиц *xonna*, *хилна*, *ši* в хантыйском языке

Частица *ši* встречается в статьях В.Н. Соловар, М.И. Черемисиной [51, 63], авторы пишут, что частицей *ици* передается ориентация во времени [52, 91]. Частица *хилна* 'еще' выделена в хантыйско-русском словаре [60, 299].

В своей монографии «Казымский диалект хантыйского языка» А.Д. Каксин к соотносительным частицам относит *хилна* 'еще' и *иш* 'уже' и говорит о том, что они «указывают на отношение высказывания к ранее сообщенному» [53, 92]. В шурышкарском диалекте им соответствуют частицы *xonna* 'еще' и *ši* 'уже', последняя частица выполняет также и функцию ограничительной 'всё'.

Рассмотрим семантику соотносительных частиц. Специфика значения соотносительных частиц состоит в том, что они описывают ту или иную ситуацию с учетом динамики ее развития, например: шур. *xonna* *hıslan* *ánt* *watsılan*? 'Еще (до сих пор) петли не проверил?' *Toxlan* *hor* *muj* *xonna* *ánt* *purlas*? 'Вертолет что еще не улетел?' – говорящий сопоставляет текущее состояние с более поздним этапом, т.е. петли уже должны были быть проверены, а вертолет уже должен был улететь. Приведем еще примеры: *hıslan* *ši* *watsılan*? 'Петли уже (всё) проверил?' *Toxlan* *hor* *muj* *ši* *purlas*? 'Вертолет

что уже улетел?' – в данных примерах показан более ранний этап, т.е. говорящий не ожидал, что действие уже выполнено; каз. *Jıw* *xılna* *ıoıa* *ıorax*, *kırıl* *ıorax* *welam* *artan* *helam* *he* *ıuxatset* 'Когда у него еще были слабые руки, слабые ноги, пришли трое'.

Частица *xonna* 'еще' не может быть употреблена, если предстоящее событие происходит не внутри той же самой интервальной временной единицы (день, неделя, месяц, год и т.д.), в которой имеет место речевой акт, являющийся здесь точкой отсчета. Например: *xátálan* *xonna* *jek* *joxanən* *us* 'Днем еще лед на реке был'; *Kasalti* *lij* *pıtsat* *xonna* *un* *ker* *tılasən* 'Каслать они начали еще в апреле', *ši* *tálan* *xonna* *ar* *ılı* *ráknəs* 'В тот год еще много оленей погибло'. Запрет на употребление частицы связан с поверхностным ограничением.

При этом часто имеется в виду не только то, что время осуществления служит ориентиром, относительно которого устанавливается время осуществления действия, но также и то, что они определенным образом изначально взаимосвязаны. Так, мера временной близости или удаленности может указывать на степень своевременности, оценивая его как раннее или позднее, что в свою очередь опосредованно определяет степень успешности: *Ma* *xonna* *kum* *şıtsəm* *loxlam* *lumatti* 'Я еще успел надеть лыжи'; *xotəl* *xıwən* *ši* *jeıšatən* *ul* 'Дом = их уже давно построен'; *lıw* *neş* *nəxər* *jıx* *ıprıjən* *ši* *ulmal* 'Он, оказывается, под кедром уже был'; каз. *Ma* *xılna* *wəsəm*, *lıw* *ši* *mānəs* 'Я еще на улице была, он ушел'.

Частицы *xonna* и *ši* не являются вариативными (взаимозаменяемыми), поскольку маркируют принципиально разные ситуации. Рассмотрим следующие примеры: 1) *Kartı* *hor* *joxtas* *xonna* *kāt* *śosən* *aləñşək* *lıw* *jowəlmiti* *poraja* *elti* 'Лодка уже приехала за два часа раньше до их очереди' = то есть лодка уже приехала, когда временной интервал, отделяющий момент его приезда от начала очереди, составлял два часа. 2) *Noptältiti* *untı* *ši* *śos* *xasəs*, *xolpew* *pa* *xonna* *nampərən* 'До плава остался уже час, а сеть еще не вычищена' = когда временной интервал, отделяющий момент наблюдения от начала плава, был уже невелик (один час), а сеть еще не была почищена.

Соотносительная частица *xonna* сочетается с отрицательной частицей *ánt*, как видим, в этих структурах частица *ši* 'уже' маркирует

осуществление перехода *xonna änt* ‘еще не’ => *ši* ‘уже’ (ср. *xor xonna änt joxtas* ‘лодка еще не приехала’ => *xor ši joxtas* ‘лодка уже приехала’). В структурах же *xonna änt* ‘еще не’ частица *xonna* ‘еще’ маркирует неосуществление ожидаемого необходимого чередования (*cholrew xonna änt sistapsa* ‘сеть еще не вычищена’ => *cholrew ši sistapsaw* ‘сеть уже вычищена’, указывая на неизменность исходной ситуации). При этом в первом примере точка отсчета (здесь – начало плава) сопоставлена с моментом осуществления (с началом очереди). А во втором примере точка отсчета (здесь – начало плава) сопоставлена с моментом наблюдения, констатирующего отсутствие ожидаемого чередования – очистки сети.

Как видим, глубинное *ци* «замаскировано» под поверхностное *хонна*. Таким образом, в контексте *ци* маркирует противопоставление между сменяющимися во времени достаточно разными, хотя и однотипными ситуациями, тогда как *хонна* используется для сопоставления ситуаций достаточно похожих, расположенных недалеко друг от друга на одном и том же шкальном участке.

2.3. Семантика и функционирование отрицательных частиц *änt* и *al* в хантыйском языке

Наиболее распространенным средством выражения отрицания в языках различных типов являются отрицательные частицы.

Отрицательные частицы шурышкарского диалекта упоминаются лишь в работе Штейница, он писал, что отрицание глагольных форм осуществляется с помощью отрицательных частиц, ставящихся перед глагольной формой. Автор отмечает, что при формах повелительного наклонения употребляется отрицательная частица *al*, при всех остальных глагольных формах частица *ant* [62, 51–52].

В среднеобском диалекте хантыйского языка отрицательные частицы упоминались в работе П.К. Животикова «Очерк грамматики хантыйского языка (среднеобской диалект)», он приводит следующие отрицательные частицы: *am*, *an*, *ant* ‘не’, *antom* ‘нет’: *тув манэм тами отынгны am потрыт* ‘Он мне об этом не говорит’. *Анто́м, тув тыв an ёхтыс* ‘Нет, он сюда не пришел’ [49, 89].

Далее он пишет:

1) если глагол начинается с согласного звука, то употребляется частица *an*: *Ма тамхатл*

ветпыса an мантым ‘Сегодня я на промысел не иду’.

2) если глагол начинается с гласного звука, то употребляется частица *ant*: *Тув тата ant омсыс* ‘Он здесь не сидел’.

3) если глагол стоит в повелительной форме, то перед ним употребляется отрицание *am*: *Атым йингк am янься!* ‘Плохую воду не пей!’.

Отрицательные частицы на материале казымского диалекта также рассматривались В.Н. Соловар, М.И. Черемисиной [51]. В данных статьях авторы рассматривают функционирование отрицательных частиц: *änto*, *änta*, *änt (än)*, *al*, *xon*.

А.Д. Каксин в своей монографии «Казымский диалект хантыйского языка» [53, 92] к отрицательным частицам относит: *än* ‘не’, *änt* ‘не’, *äntö* ‘нет, не’.

Частицы лишены номинативной функции, не называют предмета, явления, действия, состояния, признака, не являются членами предложения, хотя могут употребляться при любом из последних, с глаголами, именными частями речи.

В хантыйском языке основным средством, выражающим отрицание, являются частицы. Каждая из частиц имеет свои особенности в выражении отрицания.

В хантыйском языке нет морфологических способов для выражения отрицания, оно передается при помощи лексических средств – служебных и полуслужебных слов, среди которых есть отвечающие традиционному представлению о частицах: служебные слова *änt*, *ät*, *al*, *anta*. Как и частицы европейских языков, они не подвержены грамматическим изменениям, не склоняются, не спрягаются, не принимают суффиксов принадлежности [53, 35].

Частицы составляют особую подсистему внутри морфологической системы языка и нуждаются в выявлении их индивидуальных признаков.

На материале шурышкарского диалекта семантика частиц *änt* и *al* ранее не рассматривалась.

Рассмотрим семантику частицы *änt*. Она выражает отрицание содержания предыдущего предложения: согласие или несогласие с ним говорящего, дает ему общую экспрессивно-модальную оценку и служит для выражения недоумения, с ним связанного, например: *Ра ту́жа änt mänləm?* ‘Как же не пойду?’, в этом примере на семантику частицы *änt* влияет употребление частицы *tuja*, влияние на семанти-

ку предложения оказывает также контекст; *Ma xošajəma ǎnt joχətlɨjəs* ‘Ко мне не приходил’ (в этом примере идет отрицание действия); *Otšam xojat tup nǎχ ǎnt moštəl, moχtɨ likašəl* ‘Только глупый человек шутку не поймет и сразу сердится’; *χun ǎnt məsəl, šenk ar ɨwɫən, ɨwtɨ porajən mǎšjaja weraslən* ‘Когда не нужно, очень много кричишь, когда кричать [надо], молчишь (букв. молчаливой делаешься)’.

В большинстве случаев за любой из частиц отрицания следует предложение, которое уточняет, конкретизирует отрицательный ответ на поставленный вопрос, раскрывает его причину или же причину несогласия говорящего с предыдущим высказыванием.

Отрицательное значение частицы *ǎnt* не ослабляется в следующих случаях:

1) частица соединяет две слитно произносимые одинаковые формы одного и того же слова, выражающие:

а) неуверенное отрицание, например: *Mǎntɨ ǎnt mǎntɨ* ‘Ехать не ехать’; *Termaləti ǎnt termaləti* ‘Торопиться не торопиться’;

б) неопределенность или неясность признака, например: *laškupew tula amuj ǎnt tula* ‘Плашкоут (наш) везут или не везут’; *Jontəsəl ǎnt jontəsəl, jintəpəl tup karaləlli* ‘Шьёт не шьёт, иглу только ковыряет’; *Wersəli ǎnt wersəli?* ‘Сделал не сделал?’;

в) безразличие для последующего действия, например: *χolla ǎnt χolla mǎntɨ išipa məsəl* ‘Плачь не плачь, а ехать все равно надо’; *Rəjəkla ǎnt rəjəkla išipa aɨntel pa wəχəl* ‘Утешают не утешают, все равно маму зовет’;

2) частица *ǎnt* соединяет две одинаковые формы однокоренных глаголов, и все сочетание имеет значение полноты и длительности действия: *tutɨ nɨnan ǎnt tutɨ* ‘везти вас не везти’;

3) частица *ǎnt* в сочетании с *mujširən* ‘как’ в диалоге открывает собой утверждающую реплику-повтор: *Mewtəlam χǎjtɨ? – Mujširən ǎnt χǎjtɨ, χǎjalən ši* ‘Язей (моих) оставить? – Как не оставить, оставь, конечно’; *Nǎŋ mǎntɨ lǎŋχalajən? – Mujširən ǎnt lǎŋχalajəm, lǎŋχalajəm ši* ‘Ты хочешь ехать? – Как не хочу, хочу, конечно’;

4) частица *ǎnt* соединяет форму причастия настоящего времени и личную форму одного и того же глагола, образуя сочетание, целостно выражающее категорическое отрицание: *Ujətti ǎnt ujətləm* ‘Знать не знаю’; *Wantɨ ǎnt watsəm* ‘Видеть не видел’; *Ketəmtɨ ǎnt ketəpsəm* ‘Трогать не трогал’; *χǎštɨ ǎnt χǎšsəm* ‘Остаться не остался’.

В словарях [61; 63], текстах на шурышкарском диалекте дается также частица *ǎt* в значении ‘не’, например: *kūr jǎtlal jəma ǎt mentələt* ‘суставы ног хорошо не прогибаются’; *ōtšama χǎš ǎt jis* ‘чуть не помешался (от радости, от горя)’; *wəŋen ǎt watsən?* ‘зятя не видел?’.

Мы предполагаем, что это та же самая частица *ǎnt*, в которой в речевом потоке происходит выпадение согласного *n*. Форма *ǎnt* постепенно вытесняется формой *ǎt*. Вследствие того, что *n* в слове *ǎnt* не произносится, в письменной форме стали употреблять *ǎt*. *ǎnt* возможно проверить формами *ǎnta*, *ǎntəm* – здесь *n* не выпадает, например: *ǎnta* ‘не, нет’ – *mǎnlən amuj ǎnta*; ясно, что мансийские *am*, *ami*, *atum* генетически связаны с хантыйским *ǎntə* ‘не, нет’, происходят от древнего отрицательного глагола *endem*. Приведем примеры: *Mǎnjən муи ǎntə* ‘Пойдешь или нет?’, *wersəli a muj ǎnta wersəli?* ‘сделал или не сделал?’.

Частицы *ǎnt*, *ǎn*, *ǎnta*, *ǎntə*, *ǎntəm*, как мы предполагаем, произошли от отрицательного вспомогательного глагола, о котором вспоминает финский ученый М. Кастрен, его этимологически принято сопоставлять с отрицательным глаголом, выявленным во многих финно-угорских языках, У.А. Тойвойнен предполагает, что он есть в прибалтийско-финских, саамском, мордовском, марийском, удмуртском и коми языках [64, 32].

В родственном хантыйскому языку мансийском также встречается частица *am* в значении ‘не’ в мансийско-русском и русско-мансийском словаре Е.И. Ромбандеевой. Например: *Так am пилы* ‘Он не боится’ [65, 169].

В хантыйском языке частица *ǎt*, каз. *at* употребляется только как формообразующая частица, она встречается с формой глагола 1-го, 2-го, 3-го лица настоящего-будущего времени глагола и передает косвенное побуждение: шур. *At arijl* ‘Пусть поёт’; *ǎt ješa untən ul, aršək ujattɨ pitəl* ‘Пусть немного в лесу побудет, побольше знать будет’; *Joχɨ loŋtɨ χijən wet l’um juχ šōjtən wet puš ǎt χǎtsəla* ‘Человека, который зайдет в дом, пусть черемуховыми шестью пять раз ударят’; каз. *Тәм мўв мәнәм ләлән ат мәлү* ‘Эту землю пусть мне отдадут’; *Петрэн тыв ат йухәтәл* ‘Петр пусть сюда придет’; *Тәтән утн тыв ат тәлүйән... әл ат иса әләмлайн...* *тәм овән цухал ова илү ат сөхтәлүйән* ‘Пусть тебя принесет то, что принесет... пусть просто тебя поднимет... в это отверстие чувала пусть

тебя задернет'; *Йа, па йаухлэм, тәм нүш сәр йэлышак ат нитлэм* 'Ну, еще раз схожу, в этот раз подальше пусть буду', в сочетании с глаголом 1-го, 2-го лица и глагола 3 л. страдательно-го залога частица *ат* выражает желательность действия.

А.Д. Каксин отмечает, что «частица *ат* всегда предшествует глагольной форме на -л, но может быть отделена от него другими словами, например: *ат putar-l-аһп* 'пусть говорят (они дв.)', *ат сәха жуһат-л* 'пусть потом придет', *ат рөрп-тәи мән-л-ат* 'пусть работать идут (они мн.)', *ат ари-тәи пәт-л* 'пусть петь будет'. С помощью форм 3 л. выражается косвенное волеизъявление, побуждение к действию [53, 76–77].

Другой оттенок косвенного побуждения передает аналитическая частица *лүлән ат* 'пусть бы' в сочетании с формой глагола 3-го лица: *Тәм туй мәнәм лүлән ат мәлй* 'Эту землю мне бы пусть дали'; каз. *Тәм киншайән мәнем лөлән ат мәлй* 'Эту книжку мне бы дали'.

Частица *ән* в шурышкарском диалекте не встречается, она встречается в усть-собском говоре приуральского диалекта и в казымском диалекте.

В казымском диалекте форму *ән* можно рассматривать как упрощенную форму *ант* – результат отпадения конечного согласного. В.Н. Соловар, М.И. Черемисина, вслед за Животиковым, также решают эту проблему: вариант *ән* употребляется перед гласными: *Аһкет ант аријл* 'Мама моя не поет'; *Пирәс икен па ант әһәл* 'Старик больше не стонет'.

Как отмечают исследователи, перед сонорными и фрикативными согласными, включая *ј*, конечный согласный частицы обычно отпадает: *Шишамием холна тови йнта вантылсат, вән патлам вунт ици ән вэләл* 'Медвежата весну еще не видели, большой темный лес тоже не знают'; *Хуллам хона ән сорсәт* 'Рыба моя еще не высохла'; *Әвен йохи ән йил* 'Дочь = твоя домой не идет'; каз. *Имәл ими тәм нүш ән йухтәс* 'В этот раз тетя не пришла'; *Нәмхуйат тәта ән холләс* 'Никто здесь не плакал'.

В остальных случаях, которые составляют большинство, возможны оба варианта: *Васәл йухи ант (ан) төлжә* 'Он утку домой не несет'; *Һаһ ант (ан) тәйләт* 'Хлеба нет (букв. не имею)'; *Ин ай пухләнқи ант катәлсәлә* 'Этого мальчишку он не поймал' [51, 35–46].

Частицы *ән*, *ән* в сочетании с суффиксом *шәк* приобретают значение неосуществле-

ния действия за счет некоторой (небольшой) неполноты действия, например: каз. *Көрт вула әншәк йухәтәл, лүк ци пөрләс* 'Не дошел он чуть (немного) до стойбища, глухарь взлетел'; *Пөрләтәи кем йәм мурта йншәк йүвәмийләм* 'Чуть (немного) не дошел до той хорошей степени, чтоб взлететь'; *Йәша көрт пәшасәл йнташәк пәнәл, хот йнташәк пәнәл, имәл ими ким ци сәл хотәл эвәл* 'Чуть немного не скрылось заграждение стойбища, чуть немного не скрылся дом, тетюшка выходит из дома'.

Рассмотрим отрицательную частицу *ал*. Она употребляется с формами повелительного наклонения 2-го лица (всех чисел): *Ал мәна* 'Не ходи'; *Ал потәртә* 'Не разговаривай'; *Ра ал жува* 'Больше не приходи'; *Шәйк ал тәлй сәшканән тохәл* 'Не тяни так сильно, ткань порвется'; *Ра ишәна ал торәстия мәнәта* 'Но больше не мешай мне'; каз. *Ал пәлә* 'Не бойся'; *Йәйүәлән ити төп әл вәлә* 'Как братья, только не живи'; *Һәй төп вүләт әл пәлтанта* 'Ты только оленей не пугай'; *Ма эвәлтама һаһ әл воха* 'Не проси у меня хлеба'.

Лексема *ал* полифункциональна, она передает также вводное слово, например, *ал* в значении 'возможно, наверное': *Рүтән wanti, ал јәтсәс* 'Котел (т.е. готовящуюся в котле еду) посмотри, наверное, готов'; *Һүв илта нопсалән ал ра нумәсјл: һохәс, лүлән, ат пәтәл* 'Он, наверное, надеется, попался бы соболю'. В усть-собском говоре приуральского диалекта она также встречается в значении 'конечно', что мы не наблюдаем в шурышкарском диалекте: *Ал тәм кертән улләв* 'Конечно, мы живем в этой деревне'; *Јүхна ал тулајув хәлна түт јүхна* 'Нам, конечно, даже дрова привозят' [61, 16].

В казымском диалекте прохибитивное значение передается сочетанием частиц *ал* и *ән* 'не' – *ән* *ал* 'пусть не': *Лүра лүвәл, ант ал йвәл* 'Скажи ему, пусть не кричит'; *Упән ци в хәлвәт ант ал мәнәл* 'Сестра = твоя завтра пусть туда не ходит'. На материале шурышкарского диалекта прохибитивное значение передается частицами *ат* и *ән*. Например: *Ат ант мәнәл* 'Пусть не пойдет'; *Ат ант кәшләлй* 'Пусть не ищет'; *Һүв ат ант мәнәл* 'Он пусть не пойдет'.

Итак, рассмотрев семантику частиц *ән* и *ал*, мы пришли к выводу, что частица *ән*:

1) выражает отрицание содержания предыдущего предложения: согласие или несогласие с ним говорящего, дает ему общую экспрес-

сивно-модальную оценку и служит для выражения недоумения, с ним связанного;

2) частица соединяет две слитно произносимые одинаковые формы одного и того же слова, выражающие: неуверенное отрицание, неопределенность или неясность признака, безразличие для последующего действия;

3) соединяет две одинаковые формы однокоренных глаголов, и все сочетание имеет значение полноты и длительности действия;

4) в сочетании с *mujširən* 'как' в диалоге открывает собой утверждающую реплику-повтор;

5) соединяет форму причастия настоящего времени и личную форму одного и того же глагола, образуя сочетание, целостно выражающее категорическое отрицание.

Итак, частица *ǎl*:

1) употребляется с формами повелительного наклонения 2-го лица (всех чисел);

2) в казымском диалекте употребляется с формой глагола 3 л., ед. ч.: *ǎl mǎnǎl* 'Пусть не идет'; *ǎl ul* 'Пусть не спит'; *ǎnt ǎl putǎrtǎl* 'Пусть не разговаривает'.

3) в усть-собском говоре приуральского диалекта встречается в значении 'конечно', что не наблюдается в шурышкарском диалекте.

Прохибитивное значение в шурышкарском диалекте передается частицами *am* и *ǎnt*.

Отрицание в широком смысле слова является именно языковой категорией, а не только лексической, морфологической или синтаксической. Отрицание отражает отсутствие признака, предмета, явления. Именно отсутствие предмета, признака или явления констатируется при помощи различных средств выражения отрицания.

Отрицание тесно связано с логическим ударением и актуальным членением предложения. Обычно ядро высказывания (рема) в отрицательном предложении содержит средство выражения отрицания. Отрицание занимает особое положение среди грамматических категорий. Для него характерны универсальность, древность происхождения, маркированность, предельная абстрактность значения. В силу этих особенностей отрицание теснее всего связано с наиболее общими грамматическими категориями, например, предикативностью. Как и все резко экспрессивные средства, отрицание требует не только логического ударения, но и интонационного выделения.

Анализ языкового материала показывает, что для выражения отрицания в шурышкарском диалекте хантыйского языка существуют две основные частицы *ǎnt* и *ǎl* в значении 'не'.

2.4. Семантика и функционирование усилительных частиц в хантыйском языке

А.Д. Каксин в своей монографии «Казымский диалект хантыйского языка» к усилительным частицам относит *mǎl* 'ведь', *pa* 'даже', *χuti* 'же', *ísi* 'тоже', пишет о том, что «они служат для усиления, выделения, подчеркивания содержания отдельного слова или всего предложения» [53, 91].

Вслед за указанным автором мы к усилительным частицам относим частицы шур. *хоты*, *мал*, *па*, *ищи* и расширяем этот список, внося в него усилительные частицы *am* и *ǎa*.

Итак, произведем анализ семантики частиц: *хоты*, *мал*, *am*, *ǎa*.

Частица *хоты* в значении *же* употребляется для указания тождества, соединяется с местоименными словами. Частица *хоты* употребляется после местоимений и указывает на точное соответствие. Местоимение обычно указывает на уже названный объект или субъект. Частица подчеркивает одинаковость, неизменность, постоянство чего-либо, например: шур. *Tǎm poχ χoti ísi šimǎš jasǎn jastǎš* 'Этот мальчик *же* то же самое сказал'; *Tata χoti watsaχi* 'Здесь *же* видел'; *šimǎš χoti pawǎrt χot* 'Такой *же* бревенчатый дом'.

В этом же значении употребляется для выделения, подчеркивания (в значении *ведь*). Например: *Nǎn ší porǎjǎn χoti utaltǎsan* 'Ты *же* в это время учился'; *Pa utǎn χoti ul* 'Так в лесу *же* живет'; *Pa hǎjǎn χoti pelǎjǎj* 'Так летом *же* комары'.

Употребляется при противопоставлении двух предложений. Например: *Tańla ǎnt mǎnǎl, hǎw χoti χonpa aj* 'Данил не поедет, он *же* еще маленький'; *Tǎm χǎtǎl mujen χoti jis?* *Moχǎtǎl isa jǎm ší us* 'Сегодня *же* что с тобой случилось? Вчера всё было хорошо'.

Частица *мал*, каз. *мǎл* в значении *ведь* служит для подчеркивания, усиления высказывания при сопоставлении или противопоставлении, например: шур. *Ma mǎl ǎnt iǎwǎm!* 'Я *ведь* не кричу!'; *Íšipa mǎl nǎn huwǎl nǎχ pajǎtsǎn* 'Все равно *ведь* ты его победил'; *hǎj mǎl jǎm χǎjatǎt* 'Они *ведь* хорошие люди'; каз. *Hǎn mǎl iǎuxi iǎuxǎn, mujty tǎšǎn?* 'Ты *ведь* ездила домой, что-нибудь привезла?'.

Данная частица указывает на то, что вводимая информация обоснована на предшествующем утверждении, например: *lij ar xül welsät, ši tumpina mal xonna lapətaj arat tənna məsät* 'Они много рыбы выловили, до этого ведь ещё семьдесят тонн сдали'; *Mün jəŋxilisəw lij xošaja, lij mal jām xojatət* 'Мы ездили к ним в гости, они ведь хорошие люди'.

Частица *mal* включает семантику сомнения, недоверия по отношению к высказанной мысли, в предложении находится в постпозиции по отношению к местоимению, например: *Ma mal änt ujetəm, xonna numəsləm* 'Я ведь не знаю, еще думаю'; *In xotī aləŋ, mün mal süsən pa təwījən jəŋxəliləw* 'Сейчас-то рано, мы ведь осенью и весной ходим' (говорящий сомневается, предпринять ему какое-то действие или нет); *Pa ma mal potərlisəm, pa jasnem jur xun tajəl* 'Так я ведь говорила, да мое слово разве силу имеет'.

Частица *mäl* в сочетании с частицей *ši* выполняет функцию усилителя экспрессивности высказывания, например: каз. *Щит мäl ши йъхан вөс, ин па хулица вълэв лүвэм* 'Это была ваша невестка, теперь откуда ее возьмем'.

Частица *am* в значении пусть, пускай служит для формирования морфологических и синтаксических наклонений, вносит в речь модальные и модально-волевые оттенки.

Она выражает позволение, допущение, принятие, например: *At jəŋxəl, lūw əsəlla* 'Пусть съездит, его отпускают'; *At šušəl, ješaul pətlama jil* 'Пускай идет, скоро темнеть начнет'; *Pa at šiti, ma lutəm* 'Ну пусть так, я куплю'.

Спрягаемая форма глагола участвует в формировании повелительного наклонения и вносит в предложение значение побудительности, например: *lan̄ki at nawarəl, tuja welti!* 'Пускай белка прыгает, зачем убивать!'; *At hōtti mənəl* 'Пусть помогать идёт'; *Arpelək xəjatət at xəpən mənələt* 'Большинство людей пусть на лодках поедут'.

Частица *ja* в значениях 'ка, то и же' встречается в хантыйско-русском словаре В.Н. Соловара [60, 70].

Данная частица выражает побуждение к действию. Она употребляется после императивных форм и обычно вносит оттенок нетерпеливого, усиленного побуждения. Используется чаще всего в разговорной речи, например: *Йъва ja* 'Иди же'.

При повелительном наклонении частица *ja* в значении 'ка' употребляется для смягчения просьбы, приказания, например: шур. *Arəmi ji ja!* 'Спой-ка!'; *Ješa kur aləmi ji ja* 'Немнужко печь подтопи-ка'; *Nox tu xəmi ji ja* 'Вытри-ка'; каз. *Suxlan aləmal ji ja* 'Ну возьми же бельё'.

В этом же значении при форме 1 лица будущего времени глагола она выражает решение, намерение, например: *lojati, šutsihu ja* 'Стойте, отдохнем-ка'; *xanšləm ja pišma* 'Напишу-ка я письмо'; *Kawermiləm ja xəšək!* 'Сварю-ка я уху!'; *Mənələm ja sār* 'Ну пойду-ка я'.

В значении то частица *ja* выделяет слово, подчеркивая его значение для выражения данной мысли, при этом усиливается утверждение высказанной мысли, например: *Ulilan ja pa jəna sora xuxələt* 'Олени-то, и правда, быстро бегут'; *Nepekem ja jəxli miji* 'Книгу-то мою отдай обратно'; *xirən ja pelki putlās* 'Мешок-то порвался'; *Tələn ja iski āt ul* 'Зимой-то холодно ведь'; каз. *Ma mūv-avət ja iēša вантсэм* 'Я земли – высокие мысы-то немного видел'; *Йаъ ja вөл, сул янтөм* 'Хлеб-то есть, соли нет'; *Йа, мулты арат ja ан хөн йухэтэл* 'Ну сколько-то, конечно, придет'.

В ходе исследования мы пришли к выводу, что к усилительным частицам в шурышкарском диалекте хантыйского языка относятся частицы: *хоты*, *мал*, *ат*, *яа*.

Сделав анализ семантики данных частиц, мы выявили, что частица *хоты* в значении же:

- 1) употребляется для указания тождества, соединяется с местоименными словами;
- 2) употребляется после местоимений и указывает на точное соответствие, местоимение обычно указывает на уже названный объект или субъект;
- 3) подчеркивает одинаковость, неизменность, постоянство чего-либо;
- 4) употребляется для выделения, подчеркивания (в значении ведь);
- 5) употребляется при противопоставлении двух предложений.

Частица *мал* в значении ведь:

- 1) служит для подчеркивания, усиления при сопоставлении или противопоставлении;
- 2) указывает на то, что вводимая информация обоснована на предшествующем утверждении;
- 3) включает семантику сомнения, недоверия по отношению к высказанной мысли, в предложении находится в постпозиции по отношению к местоимению.

Частица *am* в значении пусть, пускай:

1) служит для формирования морфологических и синтаксических наклонений, вносит в речь модальные и модально-волевые оттенки; выражает позволение, допущение, принятие;

2) спрягаемая форма глагола участвует в формировании повелительного наклонения и вносит в предложение значение побудительности.

Частица *йа* в значениях 'ка, то и же':

1) выражает побуждение к действию, употребляется после императивных форм, вносит оттенок нетерпеливого, усиленного побуждения, используется чаще всего только в разговорной речи;

2) при повелительном наклонении употребляется для смягчения просьбы, приказа;

3) при форме 1 лица будущего времени глагола выражает решение, намерение;

4) выделяет слово, подчеркивая его значение для выражения данной мысли.

Таким образом, частицы, являясь морфологически неизменяемыми, неполнозначными словами, могут быть выделены из общего числа служебных слов только на основе функционального критерия, а именно: по способности выражать эмоционально-оценочное отношение говорящего к содержанию высказывания или к высказыванию собеседника.

Они характеризуются морфологическими, семантическими, синтаксическими признаками, отличающими их от неизменяемых слов других разрядов.

К особенностям, которые присущи частицам хантыйского языка, следует отнести их несамостоятельность, то есть невозможность частиц выступать в качестве члена предложения и самостоятельно распространять слово или словосочетание. Но, наряду с этим, отрицательные частицы могут заменять целые предложения. Варьирование оттенков семантики частиц зависит от контекста и от речевой ситуации, в которой частицы появляются, поэтому принято говорить о преобладающем у той или иной частицы значении. Содержание частиц также воспринимается как переходное от лексического уровня к грамматическому. Частицы, как правило, занимают недифференцированное положение по отношению к слову, с которым образуют единое семантическое целое.

Частицы хантыйского языка – разряд неизменяемых служебных слов, участвующих в

выражении форм отдельных морфологических категорий, придающих особый семантический оттенок словам. Основная морфологическая особенность частиц – их неизменяемость. В плане морфологии частицы тесно связаны не только со всеми знаменательными, но и служебными словами. В синтаксическом плане частицы хантыйского языка примыкают к тем словам, значения которых они дополняют или изменяют.

При изучении частиц нами были выделены соотносительные, отрицательные, усилительные разряды частиц, отдельно была рассмотрена частица *па*, подробно изучены особенности функционирования частиц и их семантика.

В ходе исследования мы пришли к выводу, что функции частицы *па* в разных формах речевой деятельности принципиально различаются. Частица *па* была рассмотрена в значениях еще, тоже, и, да, а.

К соотносительным частицам хантыйского языка мы отнесли частицы *хонна*, *щи*. Рассмотрев семантику частиц, мы выявили, что в контексте *щи* маркирует противопоставление между сменяющимися во времени достаточно разными, хотя и однотипными ситуациями, тогда как *хонна* используется для сопоставления ситуаций достаточно похожих, расположенных недалеко друг от друга на одном и том же шкальном участке.

Рассмотрев семантику частиц *йнт* и *а!*, мы выявили, что частица *йнт*:

1) выражает отрицание содержания предыдущего предложения: согласие или несогласие с ним говорящего, дает ему общую экспрессивно-модальную оценку и служит для выражения недоумения, с ним связанного;

2) частица соединяет две слитно произносимые одинаковые формы одного и того же слова, выражающие: неуверенное отрицание, неопределенность или неясность признака, безразличие для последующего действия;

3) соединяет две одинаковые формы однокоренных глаголов, и все сочетание имеет значение полноты и длительности действия;

4) соединяет форму причастия настоящего времени и личную форму одного и того же глагола, образуя сочетание, целостно выражающее категорическое отрицание.

Частица *а!*:

1) употребляется с формами повелительного наклонения 2-го лица (всех чисел);

2) данная языковая единица полифункциональна, передает вводное слово в значении 'возможно, наверное'.

К усилительным частицам хантыйского языка мы относим частицы: шур. хоты, мал, ат, йа; каз. хуты, мәл, ат, йа.

Сделав анализ семантики данных частиц, мы выявили, что частица хоты в значении же:

1) употребляется для указания тождества, соединяется с местоименными словами;

2) употребляется после местоимений и указывает на точное соответствие, местоимение обычно указывает на уже названный объект или субъект;

3) подчеркивает одинаковость, неизменность, постоянство чего-либо;

4) употребляется для выделения, подчеркивания (в значении ведь);

5) употребляется при противопоставлении двух предложений.

Частица мал в значении ведь:

1) служит для подчеркивания, усиления при сопоставлении или противопоставлении;

2) указывает на то, что вводимая информация обоснована на предшествующем утверждении;

3) включает семантику сомнения, недоверия по отношению к высказанной мысли, в предложении находится в постпозиции по отношению к местоимению.

Частица ат в значении пусть, пускай:

1) служит для формирования морфологических и синтаксических наклонений, вносит в речь модальные и модально-волевые оттенки; выражает позволение, допущение, принятие;

2) спрягаемая форма глагола участвует в формировании повелительного наклонения и вносит в предложение значение побудительности.

Частица йа в значениях 'ка, то и же':

1) выражает побуждение к действию, употребляется после императивных форм, вносит оттенок нетерпеливого, усиленного побуждения, используется чаще всего только в разговорной речи;

2) при повелительном наклонении употребляется для смягчения просьбы, приказания;

3) при форме 1 лица будущего времени глагола выражает решение, намерение;

4) выделяет слово, подчеркивая его значение для выражения данной мысли.

В ходе исследования было выявлено, что значение частиц во многом зависит от контекста и интонации хантыйской речи, поскольку разнообразная эмоционально-экспрессивная окраска частиц соотносится в устной речи с большим разнообразием интонационных рисунков высказывания.

Таким образом, проблема изучения служебных частей речи представляется разработанной еще недостаточно и требует выхода на иные направления изучения языкового материала, с привлечением данных прежде всего по устной речи, что позволит более глубоко изучить особенности функционирования служебных частей речи и даст, как нам представляется, новый импульс для дальнейших исследований в этой области.

Литература

1. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 7. Труды по филологии 1739–1758 гг. / В.В. Виноградов, С.Г. Бархударов, Г.П. Блок. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 996 с.
2. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. М.: Учпедгиз, 1941. 620 с.
3. Виноградов В.В. Избранные труды: Исследование по русской грамматике. М.: Наука, 1975. 559 с.
4. Стародумова Е.А. Характер синтаксичности частиц // Функциональный анализ единиц морфологического синтаксического уровня. Иркутск, 1980. С. 41–55.
5. Стародумова Е.А. Частицы русского языка (разноаспектное описание). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. 292 с.
6. Цинциус В.И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Ч. I. Фонетика и морфология. Л.: Просвещение, 1947. 270 с.
7. Стародумова Е.А. Тестовые функции ограничительных частиц // Служебные слова и синтаксические связи. Владивосток, 1985. С. 57–70.

8. Байыр-оол А.В. Частицы тувинского языка, образованные от бытийных глаголов: дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2009. 186 с.
9. Апресян Ю.Д. Прагматика и лексикография: прагматическая информация для толкового словаря // Пропозиционные установки в логическом и лингвистических аспектах: тезисы рабочего совещания. М., 1987. С. 3–12.
10. Лютц И.В. Составные частицы с компонентом «вот» в современном русском литературном языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 1992. 18 с.
11. Стародумова Е.А. Акцентирующие частицы в современном русском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1974. 24 с.
12. Кобозева И.М. Проблемы описания частиц в исследованиях 80-х годов // Сборник научно-аналитических обзоров. М., 1991. С. 147–175.
13. Основы финно-угорского языкознания: саамский и мордовские языки. М.: Наука, 1975. 347 с.
14. Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство / сост. К. Кисилева, Д. Пайар. М.: Азбуковник, 2003. 207 с.
15. Падучева Е.В. Семантические исследования. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
16. Петров Н.Е. Частицы в якутском языке / Н.Е. Петров. Якутск: Кн. изд-во, 1979. 300 с.
17. Боровков А.К. Очерки карачаево-балкарской грамматики // Языки Северного Кавказа и Дагестана. М., Л.: Издательство АН СССР, 1935. С. 11–50.
18. Токарчук И.Н. Частицы в языковом и речевом аспектах (на материале частиц «просто» и «прямо»): дисс. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2002. 237 с.
19. Современный татарский литературный язык. Лексикология, фонетика, морфология. М.: Наука, 1969. 380 с.
20. Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. М.: Изд-во АН СССР, 1948. 276 с.
21. Петров Н.Е. Модальные слова в якутском языке. М., 1984. 204 с.
22. Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 569 с.
23. Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (наречия, служебные части речи, изобразительные слова). Л.: Наука, 1987. 150 с.
24. Наделяев В.М. Современный монгольский язык: морфология. Новосибирск: Наука, 1988. 113 с.
25. Белолюбская В.Г. Служебные слова в эвенском языке: дисс. ... канд. филол. наук. Якутск, 1996. 145 с.
26. Левин В.И. Краткий эвенско-русский словарь: С приложением грамматического очерка. Л.: Учпедгиз, 1936. 224 с.
27. Цинциус В.И., Ришес Л.Д. Русско-эвенский словарь: С приложением грамматического очерка эвенского языка. М.: Учпедгиз, 1952. 777 с.
28. Новикова К.А., Гладкова Н.И., Роббек В.А. Эвенский язык. Учебник для педагогических училищ. Л.: Наука, 1991. 303 с.
29. Роббек В.А., Дуткин Х.И., Бурыкин А.А. Словарь эвенско-русский и русско-эвенский. Л.: Просвещение, 1988. 263 с.
30. Новикова К.А. Очерки диалектов эвенского языка: Ольский говор. Ч. II. Л.: Наука, 1980. 243 с.
31. Роббек В.А. Категория залоговости в эвенском языке. Л.: Наука, 1984. 188 с.
32. Аврорин В.А. Грамматика нанайского языка. Т. 2. Морфология глагольных и наречных частей речи, междометий, служебных слов и частиц. М.: Изд. Академии наук СССР, 1961. 294 с.
33. Лыткин В.И. Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам. М.: Изд-во акад. наук СССР, 1955. 127 с.
34. Орнатов П. Мордовская грамматика, составленная на наречии мордвы-мокши. М.: Синодальная Типография, 1838. 112 с.
35. Ahlqvist A. Versuch einer mokscha-mordwinischen Grammatik nebs Texten und Worterverzeichniss. St. Petersburg, 1861.

36. Евсевьев М.Е. Основы мордовской грамматики. Т. IV. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1963. 472 с.
37. Майтинская К.Е. Венгерский язык. Ч. 1: Введение. Фонетика. Морфология. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. 304 с.
38. Современный марийский язык. Морфология. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1961. 323 с.
39. Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962. 374 с.
40. Подорова А.И. Частицы в коми языке. М.: АН СССР, 1954. 384 с.
41. Языки народов СССР. Т. 3: Финно-угорские и самодийские языки / отв. ред. Н.А. Баскаков. М.: Наука, 1966. 529 с.
42. Рягоев В.Д. Словообразующие и формообразующие частицы в карельском языке // Прибалтийско-финское языкознание. Л., 1967. С. 59–63.
43. Зайцева М.И. Грамматика вепского языка. Л.: Наука, 1981. 361 с.
44. Майтинская К.Е. Служебные слова в финно-угорских языках. М.: Наука, 1982. 184 с.
45. Ерина О. Частицы в мордовских языках. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 1997. 150 с.
46. Ромбандеева Е.И. Мансийский (вогульский) язык. М.: Наука, 1973. 205 с.
47. Сайнахова А.И. Служебные слова мансийского языка и их соответствия в других финно-угорских языках. Ханты-Мансийск: РИЦ ЮГУ, 2006. 100 с.
48. Steinitz W. Ostjakologische Arbeiten: Hrsg. von G. Sauer und R. Steinitz. Band IV. Beiträge zur Sprachwissenschaft und Ethnographie. Akademiai Kiado: Budapest, 1980. 497 s.
49. Животиков П.К. Очерк грамматики хантыйского языка (среднеобской диалект). Ханты-Мансийск, 1942. 122 с.
50. Языки народов СССР. Т. 3: Финно-угорские и самодийские языки / отв. ред. Н.А. Баскаков. М.: Наука, 1966. 529 с.
51. Соловар В.Н., Черемисина М.И. Выражение отрицания в хантыйском языке // *Lingvistica uralica*. Tallin, 1994. С. 35–46.
52. Соловар В.Н., Черемисина М.И. К вопросу о составе и функциях частиц в хантыйском языке // Языки и культура народов ханты и манси: материалы Международной конференции. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2004. С. 83–95.
53. Каксин А.Д. Казымский диалект хантыйского языка. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2007. 134 с.
54. Николаева Т.М. Функции частиц в высказывании. М.: Наука, 1985. 168 с.
55. Стародумова Е.А. Русские частицы: учебное пособие. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1997. 68 с.
56. Леденев Ю.И. Неполнозначные слова в русском языке. Ставрополь, 1988. 87 с.
57. Русская грамматика. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980.
58. Николаева Т.М. Частицы. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 580.
59. Хантыйский язык. Учебник для учащихся педагогических училищ / под ред. Е.А. Нёмысовой. Л.: Просвещение, 1988. 224 с.
60. Соловар В.Н. Хантыско-русский словарь / отв. ред. А.А. Бурькин. СПб.: ООО «Миралл», 2006. 336 с.
61. Диалектологический словарь хантыйского языка (шурышкарский и приуральский диалект) / Под редакцией Н.Б. Кошкаревой. Екатеринбург: Баско, 2011. 208 с.
62. Steinitz W. Ostjakologische Arbeiten: Hrsg. von G. Sauer und R. Steinitz. Band IV. Beiträge zur Sprachwissenschaft und Ethnographie. Akademiai Kiado: Budapest, 1980. 497 s.
63. Скамейко Р.Р., Сязи З.И. Словарь хантыско-русский и русско-хантыйский. Л.: Просвещение, 1985. 247 с.
64. Toiwonon Y.H. Suomen kielen etymologinen Sanakirja. Т. 1. Helsinki, 1955. Р. 32–33.
65. Словарь мансийско-русский и русско-мансийский / под редакцией Е.И. Ромбандеевой, Е.А. Кузаквой. Л.: Просвещение, 1982. 360 с.

References

1. Lomonosov M.V. Polnoe sobranie sochineniy. T. 7. Trudy po filologii 1739–1758 gg. / V.V. Vinogradov, S.G. Barhudarov, G.P. Blok. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1952. 996 s.
2. Shamatov A.A. Sintaksis russkogo yazyika. M.: Uchpedgiz, 1941. 620 s.
3. Vinogradov V.V. Izbrannyye trudy: Issledovanie po russkoy grammatike. M.: Nauka, 1975. 559 s.
4. Starodumova E.A. Harakter sintaksichnosti chastits // Funktsionalnyy analiz edinit morfologo-sintaksicheskogo urovnya. Irkutsk, 1980. S. 41–55.
5. Starodumova E.A. Chastitsy russkogo yazyika (raznoaspektnoe opisanie). Vladivostok: Izd-vo Dalnevost. un-ta, 2002. 292 s.
6. Tsintsius V.I. Ocherk grammatiki evenskogo (lamutskogo) yazyika. Ch. I. Fonetika i morfologiya. L.: Prosveschenie, 1947. 270 s.
7. Starodumova E.A. Testovyye funktsii ogranichitelnykh chastits // Sluzhebnyye slova i sintaksicheskiye svyazi. Vladivostok, 1985. S. 57–70.
8. Bayyir-ool A.V. Chastitsy tuvinskogo yazyika, obrazovannyye ot byitiynykh glagolov: diss. ... kand. filol. nauk. Novosibirsk, 2009. 186 s.
9. Apresyan Yu.D. Pragmatika i leksikografiya: pragmaticheskaya informatsiya dlya tolkovogo slovaryia // Propozitsionnyye ustanovki v logicheskom i lingvisticheskikh aspektakh: tezisy rabocheho soveschaniya. M., 1987. S. 3–12.
10. Lyutts I.V. Sostavnyye chastitsy s komponentom «vot» v sovremennom russkom literaturnom yazyike: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. SPb., 1992. 18 s.
11. Starodumova E.A. Aktsentiruyushchie chastitsy v sovremennom russkom yazyike: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. L., 1974. 24 s.
12. Kobozeva I.M. Problemy opisaneya chastits v issledovaniyakh 80-h godov // Sbornik nauchno-analiticheskikh obzоров. M., 1991. S. 147–175.
13. Osnovy finno-ugorskogo yazyikoznaniya: saamskiy i mordovskie yazyiki. M.: Nauka, 1975. 347 s.
14. Diskursivnyye slova russkogo yazyika: kontekstnoe varirovaniye i semanticheskoye edinstvo / sost. K. Kisileva, D. Payar. M.: Azbukovnik, 2003. 207 s.
15. Paducheva E.V. Semanticheskoye issledovaniya. M.: Yazyiki russkoy kulturyi, 1996. 464 s.
16. Petrov N.E. Chastitsy v yakutskom yazyike / N.E. Petrov. Yakutsk: Kn. izd-vo, 1979. 300 s.
17. Borovkov A.K. Ocherki karachaevo-balkarskoy grammatiki // Yazyiki Severnogo Kavkaza i Dagestana. M., L.: Izdatelstvo AN SSSR, 1935. S. 11–50.
18. Tokarchuk I.N. Chastitsy v yazyikovom i rechevom aspektakh (na materiale chastits «prosto» i «pryamo»): diss. ... kand. filol. nauk. Vladivostok, 2002. 237 s.
19. Sovremennyiy tatarskiy literaturnyy yazyik. Leksikologiya, fonetika, morfologiya. M.: Nauka, 1969. 380 s.
20. Dmitriev N.K. Grammatika bashkirskogo yazyika. M.: Izd-vo AN SSSR, 1948. 276 s.
21. Petrov N.E. Modalnyye slova v yakutskom yazyike. M., 1984. 204 s.
22. Kononov A.N. Grammatika sovremennogo turetskogo literaturnogo yazyika. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1956. 569 s.
23. Scherbak A.M. Ocherki po sravnitelnoy morfologii tyurkskikh yazyikov (narechiya, sluzhebnyye chasti rechi, izobrazitelnyye slova). L.: Nauka, 1987. 150 s.
24. Nadelyaev V.M. Sovremennyiy mongolskiy yazyik: morfologiya. Novosibirsk: Nauka, 1988. 113 s.
25. Belolyubskaya V.G. Sluzhebnyye slova v evenkskom yazyike: diss. ... kand. filol. nauk. Yakutsk, 1996. 145 s.
26. Levin V.I. Kratkiy evensko-russkiy slovar: S prilozheniem grammaticheskogo ocherka. L.: Uchpedgiz, 1936. 224 s.
27. Tsintsius V.I., Rishes L.D. Russko-evenskiy slovar: S prilozheniem grammaticheskogo ocherka evenskogo yazyika. M.: Uchpedgiz, 1952. 777 s.

28. Novikova K.A., Gladkova N.I., Robbek V.A. Evenskiy yazyik. Uchebnik dlya pedagogicheskikh uchilisch. L.: Nauka, 1991. 303 s.
29. Robbek V.A., Dutkin H.I., Buryikin A.A. Slovar evensko-russkiy i russko-evenskiy. L.: Prosveschenie, 1988. 263 s.
30. Novikova K.A. Ocherki dialektov evenskogo yazyika: Olskiy govor. ch. II. L.: Nauka, 1980. 243 s.
31. Robbek V.A. Kategoriya zalogovosti v evenskom yazyike. L.: Nauka, 1984. 188 s.
32. Avrorin V.A. Grammatika nanayskogo yazyika. T. 2. Morfologiya glagolnykh i narechnykh chastei rechi, mezhdometiy, sluzhebnykh slov i chastits. M.: Izd. Akademii nauk SSSR, 1961. 294 s.
33. Lyitkin V.I. Dialektologicheskaya hrestomatiya po permskim yazyikam. M.: Izd-vo akad. nauk SSSR, 1955. 127 s.
34. Ornatov P. Mordovskaya grammatika, sostavlenaya na narechii mordvyi-mokshi. M.: Sinodalnaya Tipografiya, 1838. 112 s.
35. Ahlqvist A. Versuch einer mokscha-mordwinischen Grammatik nebs Texten und Worterverzeichniss. St. Petersburg, 1861.
36. Evseev M.E. Osnovy mordovskoy grammatiki. T. IV. Saransk: Mordov. kn. izd-vo, 1963. 472 s.
37. Maytinskaya K.E. Vengerskiy yazyik. Ch. 1: Vvedenie. Fonetika. Morfologiya. M.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1955. 304 s.
38. Sovremenniy mariyskiy yazyik. Morfologiya. Yoshkar-Ola: Mariyskoe knizhnoe izd-vo, 1961. 323 s.
39. Grammatika sovremennogo udmurtskogo yazyika. Fonetika i morfologiya. Izhevsk: udm. kn. izd-vo, 1962. 374 s.
40. Podorova A.I. Chastitsy v komi yazyike. M.: AN SSSR, 1954. 384 s.
41. Yazyki narodov SSSR. T. 3: Finno-ugorskie i samodiyskie yazyiki / otv. red. N.A. Baskakov. M.: Nauka, 1966. 529 s.
42. Ryagoev V.D. Slovoobrazuyushie i formoobrazuyushie chastitsy v karelskom yazyike // Pribaltiysko-finskoe yazyikoznanie. L., 1967. S. 59–63.
43. Zaytseva M.I. Grammatika vepsskogo yazyika. L.: nauka, 1981. 361 s.
44. Maytinskaya K.E. Sluzhebnyye slova v finno-ugorskiy yazyikah. M.: Nauka, 1982. 184 s.
45. Yerina O. Chastitsy v mordovskikh yazyikakh. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 1997. 150 s.
46. Rombandeyeva Ye.I. Mansiyskiy (vogulskiy) yazyk. M.: Nauka, 1973. 205 s.
47. Saynakhova A.I. Sluzhebnyye slova mansiyskogo yazyika i ikh sootvetstviya v drugikh finno-ugorskiy yazyikakh. Khanty-Mansiysk: RITs YuGU, 2006. 100 s.
48. Steinitz W. Ostjakologische Arbeiten: Hrsg. von G. Sauer und R. Steinitz. Band IV. Beiträge zur Sprachwissenschaft und Ethnographie. Akademiai Kiado: Budapest, 1980. 497 s.
49. Zhivotikov P.K. Ocherk grammatiki khantyyskogo yazyika (sredneobskey dialekt). Khanty-Mansiysk, 1942. 122 s.
50. Yazyki narodov SSSR. T. 3: Finno-ugorskiye i samodiyskiye yazyiki / otv. red. N.A. Baskakov. M.: Nauka, 1966. 529 s.
51. Solovarov V.N., Cheremisina M.I. Vyrazheniye otritsaniya v khantyyskom yazyike // Lingvistika uralica. Tallin, 1994. S. 35–46.
52. Solovarov V.N., Cheremisina M.I. K voprosu o sostave i funktsiyakh chastits v khantyyskom yazyike // Yazyki i kultura narodov khanty i mansi: materialy Mezhdunarodnoy konferentsii. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 2004. S. 83–95.
53. Kaksin A.D. Kazymskiy dialekt khantyyskogo yazyika. Khanty-Mansiysk: Poligrafist, 2007. 134 s.
54. Nikolayeva T.M. Funktsii chastits v vyskazyvanii. M.: Nauka, 1985. 168 s.
55. Starodumova Ye.A. Russkiye chastitsy: uchebnoye posobiye. Vladivostok: Izd-vo Dalnevostochnogo un-ta, 1997. 68 s.

56. Ledenev Yu.I. Nepolnoznachnyye slova v russkom yazyke. Stavropol, 1988. 87 s.
57. Russkaya grammatika. T. 1. Fonetika. Fonologiya. Udareniye. Intonatsiya. Slovoobrazovaniye. Morfologiya / gl. red. N.Yu. Shvedova. M.: Nauka, 1980.
58. Nikolayeva T.M. Chastitsy. Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1990. S. 580.
59. Khantyyskiy yazyk. Uchebnik dlya uchashchikhsya pedagogicheskikh uchilishch / pod red. Ye.A. Nemysovoy. L.: Prosveshcheniye, 1988. 224 s.
60. Solovar V.N. Khantyysko-russkiy slovar / otv. red. A.A. Burykin. SPb.: OOO «Mirall», 2006. 336 s.
61. Dialektologicheskiy slovar khantyyskogo yazyka (shuryshkarskiy i priuralskiy dialekt) / Pod redaktsiyey N.B. Koshkarevoy. Yekaterinburg: Basko, 2011. 208 s.
62. Steinitz W. Ostjakologische Arbeiten: Hrsg. von G. Sauer und R. Steinitz. Band IV. Beiträge zur Sprachwissenschaft und Ethnographie. Akademiai Kiado: Budapest, 1980. 497 s.
63. Skameyko R.R., Syazi Z.I. Slovar khantyysko-russkiy i russko-khantyyskiy. L.: Prosveshcheniye, 1985. 247 s.
64. Toiwonen Y.H. Suomen kielen etymologinen Sanakirja. T. 1. Helsinki, 1955. P. 32–33.
65. Slovar mansiysko-russkiy i russko-mansiyskiy / pod redaktsiyey Ye.I. Rombandeyevoy, Ye.A. Kuzakovoy. L.: Prosveshcheniye, 1982. 360 s.